

Матушка-земля заботливо принимает всё, что придается ей с любовью, обильно политое потом кровью и слезами: от налитых золотистых зёрен, чтобы заколосились бескрайние хлебные поля, до закопанных бессчётных сокровищ и кладов, укрываемых от лихих людей, для процветания потомков, на будущие благие дела. Да и тела наши бранные, поливаемые слезами расставания, принимает земля со скорбным отпечатком на лице погоста. Всё-всё принимает с материнской заботой. Одно не приемлет ни под каким видом, больно ей, когда вонзают в неё занозы поганые.

Даже через мягкую подошву кроссовок я ощутил, как земля делает вдох, чтобы кашлем отторгнуть изрыгнуть несколько килограммов тротила, сконцентрированного в заложенном по всем правилам минно-взрывного дела фугасе. Опережая короткую команду – «Ложись», я распластался на обочине дороги, вжимаясь всем телом в придорожную насыпь. Уткнувшись лицом в грязь, сжал руками голову, закрывая ладонями уши и затылок. Гром взрыва прервал команду «ложись» на последнем слоге, жёстко саданул по ушам, почти одновременно с ударом горячего спрессованного молота взрывной волны.

Дорога встала на дыбы, и в небо устремился растущий столб камней грязи и дыма, и не найдя в небесах поддержки раскрылся зонтиком, шляпкой ужасного, ядовитого гриба. Я не видел его, с закрытыми глазами втягивая на вдохе расплюснутыми ноздрями всякую гадость, – я его знал. Нет, это не гриб, это огромный бутон цветка, смертельно-серого цветка, мгновенно вырос и расцвёл на пути группы инженерной разведки ежедневно разминирующей дороги, работающей на грани нервного напряжения, где расслабление смерти подобно. Один неверный шаг, неверное движение, и распускается этот цветок, вырастая на месте, где благодатной почвой для него, становится смертельная ошибка, либо дьявольская гримаса судьбы в виде радиоуправляемого фугаса.

Вырвавшийся из преисподней, адский бутон распускается, разделяя жизнь на «до» и «после». Вырастает мгновенно, и чтобы отличаться от встающей дыбом, опаленной Чеченским солнцем придорожной земли, разукрашивает свои мерзкие, серые лепестки, фрагментами солдатских тел – руками, кишками, ногами, вырванными из благоухающего всеми прелестями цветущего и по-матерински нежно-ласкового начала кавказского лета.

Не успел ещё развеяться дым, а сапёры мгновенно откатились, приняли боевой порядок, ошестившись оборонительным кольцом, отработанным до автоматизма не на учениях, а в самых что ни на есть боевых условиях, ожидая внезапной атаки, либо подлого обстрела из засады.

Старший лейтенант, которому, судя по возрасту и абсолютно седой голове, давно уже пора командовать полками, осипшим голосом на понятном только ему и его бойцам языке прокричал пару

отрывистых коротких фраз, делая упор на выкрикиваемые цифры, и, получив такие же цифровые ответы, стал бледнеть на глазах. Его одутловатое круглое славянское лицо вмиг осунулось, выделив неестественно огромные пульсирующие желваки. На похолодевшем, бледном лице, медленно краснели, наливаясь кровью, некогда добрые голубые глаза. В этих глазах была и боль, и злость и ненависть. Этим озверевшим взглядом он шарил по «зелёнке», прожигая, как лазером, деревья, кусты, и всякую поросль, стеной подошедшую к дороге, выискивая тварей, скрывающихся в зелёной непроглядной чаще.

Вспомнив о моём существовании, он повернул голову, оценив меня больше как обузу в данной ситуации, нежели помощника, продолжил отдавать команды своим бойцам и в радиоэфир, координируя действия идущего на удалении автомобиля «Урал».

Мозг армейского офицера кардинально отличается от мировосприятия оперативника: для него взрыв – это только начало, и он обшаривает взглядом всё вокруг, просчитывая, и выискивая, как и откуда ожидать дальнейшее развитие угрозы. Я же, как оперативник, воспринимаю взрыв как произошедший факт, поднявши голову, первым делом воткнулся взглядом туда, где ещё всё слабо просматривается из-за расползающихся, оседающих клубов пыли, профессионально фиксируя место происшествия и только потом расширяя сектор внимания.

«О! БОЖЕ!!!» – оседающие клубы пыли открыли корчащееся посреди дороги тело солдата.

Вскакивая из своего укрытия, отталкиваясь одной ладонью от земли, а второй рукой опираясь на зажатое мёртвой хваткой цевьё автомата, я сделал рывок в сторону бедняги, готовый в несколько прыжков оказаться рядом с ним. Но в то же мгновение стальная хватка за лодыжку и мощный рывок назад, распластали меня на земле, как лягушонка.

– Урод!..., Кретин!..., Дебил! – «старлей» не стеснялся в выражениях, и крыл меня используя весь богатейший словарный запас ненормативной лексики, хотя перед выходом, изучая мой РОШевский спецпропуск, почти, что клялся в любви.

– ..., Дебил!, Ещё тебя потом вытаскивать, урода! Дорога душманами, как в тире пристреляна, а место вокруг закладки – особенно! Откуда только таких дебилов присылают!?!

Но наверняка в душе всё-таки оценил мой порыв – вытащить пацана из этой мясорубки. Да и ему самому было невозможно видеть, как корчится от боли его раненный боец, являясь приманкой для стрелков, засевших в «зелёнке». Набрал полную грудь воздуха, надрывно, вкладывая всю злость и упор на букву «Р» растягивая слова, чтобы, не дай Бог, не быть не услышанным, и не понятым, прорычал:

– Тр-р-ретий, пятый! Сектор-р-р обстр-р-рела с полвосьмого до одиннадцати – Огонь!!! – и под прикрытием шквального огня по «зелёнке», он, согнувшись, бросился к раненому. Ни мгновения не задерживаясь, я рванул за ним.

Одновременно мы рухнули с двух сторон от бойца, и, не переводя дыхания, хотя я, наверное, последний раз вдохнул только на старте, схватили его за плечи бронжилета, и, отползая на боку, подгребая локтём, и отталкиваясь ногами, поволокли бедолагу к обочине. Стон, переходящий в протяжный вой подгонял нас быстрее оттащить бойца в безопасное место и впороть ему обезболивающий укол, чтобы хоть на время облегчить его страдания.

Маленькие фонтанчики пыли и грязи, брызнувшие в полуметре от нас, ужасом сжали все внутренности внизу живота. Животный страх мгновенно отключил все мысли. Оцепенение. И уже находящаяся, где-то над телом душа, готова увидеть, как следующая пулемётная очередь пройдет кровавыми фонтанчиками по нашим застывшим телам, и почему-то обязательно должна размозжить мою дурную голову. Не сговариваясь, мы вскочили, и, согнувшись, бросились к спасительной обочине, не обращая внимания на дикий вопль раненого бойца. С такой скоростью, тем более в такой позе, не передвигалось ни одно Божье создание на земле. Обогнав пущенный нам вслед смертоносный рой свистящих пчёл калибра 7,62 мм, мы упали в придорожную яму, навалившись своими телами на раненого, усугубив его страдания.

Где-то там далеко-далеко, как будто на другой планете, за пределами нашей спасительной ямки, на противоположной стороне дороги завязался скоротечный бой, а «старлей», и неизвестно каким чудом оказавшийся здесь санинструктор никак не могли разжать мою ладонь сжимающую плечо бронжилета; рука как окаменела в том состоянии, в котором тащила раненого бойца. Спазм с низа живота поднялся вверх, и стал щемить в левом боку, одновременно выдавая такую жёсткую пульсацию, что рёбра еле выдерживали от этих ударов изнутри.

– Обосрался ты не на шутку, но ты молодец! – грубо вернул меня в реальность «старлей».

– Я думал – конец, – не стал я оправдываться.

– Да, я и сам..., – сделал он глубокий вдох. – Со времен Афгана, так близко эта старуха с косой не проходила.

– А почему ещё «старлей»-то??? – задал я глупейший в данной ситуации, но почему то свербивший меня вопрос. – Прости за глупость, если обидел.

– Да, глупость это не твоя! На Украине отказался принимать «незалежную» присягу, а здесь тоже оказался не нужен. Болтался по ЧОПам, а как запахло жареным, так и призвали.

– Товарищ старший лейтенант! – прервал наш разговор санинструктор. – Машина подошла, Серёгу грузить надо.

– Так грузите!!! – прорычал «старлей».

Человеческий мозг – удивительное создание – отчётливо зафиксировал всякую мелочь: не до конца отстиранные пятна синей краски на рукаве «старлея», валяющегося на спине опрокинутого жучка, дёргающего лапками, старающегося перевернуться и убежать от этого кошмара, но как появился БТР, как он обработал «зелёнку», и как прямо над нами очутился многотонный «Урал», я даже под пытками не расскажу, потому как это было в каком-то параллельном мире.

Это ложь и обман, что параллели никогда не пересекаются: чувства страха и отваги, глупости и мужества, любви и ненависти – все параллельные миры Вселенной сегодня сошлись здесь в одной точке в лесу за перекрестком дорог между Аргуном, Мескер-юртом и Джалкой.

Армейский организм отработал, как часы. Каждый винтик, каждая шестерёночка выполняла свою задачу. Каждый боец делал свою работу осознавая, что он частичка того великого, которое сойдёт, сорвётся, заскрежетит и умрёт, или, как минимум, перестанет работать без него маленькой, но очень нужной в данный момент шестерёночки. Только я, как пятое колесо в телеге, оставался «здесь и сейчас» памятником бесполезности в этом слаженном механизме.

– Не стой истуканом! – без злобы выпалил мне «старлей», выстраивающий свою команду для продолжения выполнения боевой задачи. – Машина уходит, везёт раненого. Может тебя забросить в Аргун?

Эти безобидные на первый взгляд слова задели меня за живое.

– Ты что, меня за барышню кисельную принимаешь??? – взорвался я. – Я с тобой не по бульвару погулять напросился, а работа здесь у меня не слаще твоей будет. Пошел ты...!

– Не кипятись! – не понял он моего эмоционального взрыва. – Ты чё???

– Отвали от меня!!! – планка приличия упала в голове, и, уже не владея собой, выпалил я ему:

– Да, пошёл ты!!!..

А он неожиданно схватил меня за плечи, тряхнул так, что недосказанные слова застряли между лязгнувшими зубами и прикусанным языком, а мозги, прыгая в голове, встали на место, готовые снова воспринимать мир в его реалиях.

– Ты прости, подполковник, но не уважаю я «ментов». Нет, не всех, конечно, вы РУБОПовцы – трудяги, и пашете, и головы кладете наравне с нами, а кто-то карманы в это время набивает. Понимаю – не турист ты здесь. Не хотел я тебя обидеть, но и лукавить не привык – бойцы плохо реагируют на неприкаянных.

От этих простых и откровенных слов мне стало ужасно стыдно перед человеком, с которым несколько мгновений назад мы могли вместе навеки остаться на этой дороге, взявшись с двух сторон за бронежилет раненого солдата.

– И ты прости, – обнял я его. – Нервы ни к черту! Не каждый день в такую задницу попадаешь. А работать я буду вон там, за теми кустами, – и тут же прикусил язык, поняв, что на «нервяке» сболтнул непростительно лишнего, чего не должен произносить даже на дыбе, чтобы ни намеком, ни полусловом, ни взглядом, ни даже вздохом, не создать цепочку, указывающую дорогу к внедрённому сотруднику. И незаслуженно обижая хорошего человека, резко повернулся, давая понять, что разговор окончен, одновременно прокручивая в голове заученный ещё на инструктаже в Москве стишок: «Русские домой, (с одним “С”) – значит пятьсот метров от поворота на Мескер-юрт, слева по ходу движения на Гудермес – контейнер с информацией».

Но «старлей» оказался в сто крат умнее меня, а вернее мудрее. Он как-то игриво ударил в плечо, вроде толкнул, но не отталкивая, а лишь обозначая крепкую мужскую руку с увесистым кулаком,

впился в меня каким-то грустным взглядом, и с тяжёлым вздохом, как будто прощаясь навсегда, произнес:

– Давай хоть пару человек с тобой отправлю. Понимаю твою секретность, но за тебя, дурака, страшно. А мальчишки молодые, даже не поймут.., – и, как бы уговаривая, с надеждой добавил:

– Подумай?!?

Мне подкатил к горлу ком, перехватило дыхание от такой искренней заботы совершенно незнакомого человека, с которым даже не успели по-человечески познакомиться.

– Спасибо, брат! Спасибо!!! Не надо. Извини, но если что..., то пацаны не помогут. А грех на душу брать не хочу, да и ты себе не простишь. А я, надеюсь, отработаю быстро, и выберусь к вам. Ты, кстати, дай команду сразу не палить из всех стволов по кустам. Я ведь как раз из «зелёнки» возвращаться буду.

И выдавив, как из тюбика, на грустное лицо неестественную улыбку, ударил ответным коротким джебом в его плечо.

– С Богом!!! – «старлей» развернулся на каблуках, поднял в прощальном приветствии полусогнутую руку с крепко зажатым кулаком, и быстрым шагом направился к своим бойцам, оставив меня работать.

* * *

На появившуюся глубоким вечером на торце дома напротив временного отдела милиции города Аргун корявую надпись «Русские домой», отреагировали абсолютно все по разному. Кто-то вскипел праведной яростью, готовый прикончить наглеца, кто-то испугался – не дай Бог, что после этого что-то случится – кто-то даже восхитился смелостью писавшего, и только я обрадовался.

Эту надпись я ждал с момента назначения начальником отдела по борьбе с организованной преступностью Оперативной группировки МВД России в Чеченской республике. Она, как «чёрт побери» для турецких контрабандистов в фильме «Бриллиантовая рука». Но только для нас это не кино, а гораздо серьёзней. Бриллианты слов «Русские домой» означают, что есть срочная информация от внедрённого в бандподполье сотрудника, и она дожидается меня в контейнере в условленном месте.

Нельзя найти чёрную кошку в тёмной комнате, особенно если её там нет, гораздо легче найти иголку в стоге сена – контейнер, скрытый в лесу от посторонних глаз, закамуфлированный под складки местности, когда на сто процентов знаешь, где и чего искать.

Вытащив плотно скрученную фотографию с пояснительными надписями на обороте, я заложил Каземиру подробную инструкцию о других средствах экстренной связи, так как повторение «Русские домой» – прямой путь к провалу и рванулся догонять группу инженерной разведки.

Внутренний порыв бегом, сломя голову, броситься из неудобного, и пугающего леса, сдерживался двумя вескими причинами одна серьёзней другой. Во-первых, надо так же скрытно, как подкрался, так же незаметно и покинуть место закладки контейнера, даже не потревожив постоянных жителей – зверушек, зверьков и зверей разных мастей, и предательских птиц, испуганно взмывающих вверх, обозначая присутствие чужака. Второй причиной пренебрегать не менее опасно, чем первой. В лесу мин, растяжек, и иных сюрпризов, наставленных одними против других, теми против этих, этими в ответ против первых, в итоге насовали так, что сами рвутся на своих же, и, как месть, ставят ещё больше и изощрённее смертельных ловушек, усугубляя и так уже до невозможности непроходимость леса.

Выбравшись на дорогу, я производил вид человека вернувшегося из преисподней. Солдаты группы инженерной разведки спокойней бы отреагировали, если бы перед ними в обнимку прошли министр обороны с президентом. Моё появление из леса, откуда одинокие путники живыми не возвращаются, ввергло их шок, а бледно-серое лицо от пережитого страха и нервного напряжения дополняло вид ходячего покойника.

– Спиртика прими. Тебе сейчас в самый раз, – извлекая откуда-то из закровов многочисленных карманов плоскую, выдавшую виды фляжку ещё с гербом Советского Союза, скороговоркой выпалил «старлей», искренне обрадовавшийся, что снова видит меня в полном здравии.

– Не-е-е..., мне бы срочно в Ханкалу. Или хотя бы в Аргун, а там разберусь.

– С чем ты разберёшься? С тобой всё нормально? – посмотрел он на меня как-то подозрительно.

– Более чем... Спасибо. Дай лучше связь, машину вызвать, – прижимая рукой, непонятно для чего, и так наглухо застёгнутый карман с полученной от Каземира посылкой, внутренним чутьем осознавая, что у меня в руках такая информация, что сейчас каждая минута на вес золота, сказал я.

Оказавшись в относительной безопасности, я стал беспричинно суетиться, дёргаться, усугубляя и без того очевидный образ подвинувшегося разумом. В голове было какое-то опустошение, я односложно отвечал на все вопросы, и в то же время бормотал всякую чепуху, мысленно убегая куда-то далеко-далеко от злополучного перекрёстка.

Вдруг как-то резко стало отпускать нервное напряжение после пережитого за эти неполных два часа. А вместе со стрессом стали покидать и физические силы, как будто из меня вытащили батарейку. Навалилась неимоверная тяжесть. Я еле передвигал ноги, тащась в хвосте группы инженерной разведки, проклиная нерасторопность выехавших за мной моего бессменного заместителя Долгова с СОБРовцем. А перед глазами навязчиво стояли, возвращая в совсем недалёкое прошлое, бурные солдатские берцы с разорванной шнуровкой, в некоторых местах блестящие от ещё не запёкшейся крови. Они, и камуфляжные, заляпанные грязью штаны бойца группы инженерной разведки Серёги, поменявшие цвет с бело-зелёного на пугающий чёрно-бордовый, кровавый. Слышал его душераздирающий крик, истошный вопль, пронизывающий до мозга костей.

– Боже!!! Почему они??? Сопливые пацаны, некоторые даже толком не потискавшие девчонок, становятся седовласыми ветеранами, вычеркнув из жизни самые полноценные, самые бесшабашные и счастливые годы, время проб и ошибок, время мечтаний и исполнения желаний.

* * *

УБОПовский «жигулёнок», появился неожиданно, как в принципе и всё в этой жизни, чего очень сильно ждёшь, подгоняешь, нервничаешь, торопишь, а появляется совсем внезапно.

Долгов, сильно удивившийся, что вместо утреннего совещания, он находит меня «Бог знает где» в полуобморочном состоянии, да ещё через посыльного от «воjak». Он не скрывал своего недовольства по поводу полного неведения планов своего руководителя, чьим заместителем он является по службе, и другом по жизни.

Я что-то лепетал ему в оправдание, скрывая даже от него истинную цель своего появления в столь ранний час на дороге в лесу под Джалкой. В то же время я жадно искал взглядом «старлея», чтобы от всей души сказать ему и его бойцам человеческое спасибо.

А «старлей», наверное, и не выпускал меня из вида. Увидев рядом со мной УБОПовцев, он сам подошёл, протянул руку, и когда рукопожатие не смогло уже передавать тех чувств которые мы испытывали друг к другу, не разжимая руки рванул меня к себе и похлопывая по спине сжал в стальных мужских объятиях.

Долгов, не скрывая раздражения, грубо прервал наше прощание:

– Там Шаравин ужом вьётся, отмазывая тебя. Генерал Хотин просто «рвёт и мечет» – где начальник ОБОП?!!!

– А он-то откуда узнал?

– Посыльный воин сначала в штаб прибежал, а в штабе есть твои «доброжелатели», которые не преминули вложить тебя по полной программе со всеми прилагающимися в таких случаях своими интерпретациями.

– Вот за это я и не люблю «ментов»! – встрял в наш разговор «старлей». – Хотя, чего греха таить, и в наших штабах подонков хватает.

– Не от профессии, а от человека зависит «подлючесть» его натуры, – вступился за правоохранителей Долгов. – А хороших «ментов» всё равно гораздо больше, как, в принципе, и в войсках нормальных пацанов.

– А у меня из головы этот парень не выходит – солдатик твой раненый – которого мы вытащили с дороги, – находясь ещё в каком-то ступоре и не успевая за ходом разговора, пробормотал я.

– Серый, что ли?

– Да. Сергей.

– Отличный боец! Способный, смысленный, хороший парень! Его все любили. Дай Бог, врачи спасут его, сейчас вся надежда на медиков.

– И на Господа!

Долгов понимая, что он опять не в теме разговора, вспомнил о генерале, и, осознавая, что самое страшное ещё впереди, поёжился, представляя какой гнев обрушится на наши головы, командирским голосом, не терпящим возражений, как будто начальник он, а не я, прорычал:

– Викторыч, пора! Понеслись!

Захлопнувшаяся дверца «жигуля», сжала пространство и время, которое понеслось, не задерживая память ни на одном последующем отрезке этого сумасшедшего дня.

Осознание реальной действительности пришло только когда я нос к носу столкнулся с генералом Хотиным, поджидавшим нас у входа в хитросплетение нагромождённых УБОПовских кубриков-вагончиков. Хотя выражение «нос к носу», явно не подходит к описанию нашей встречи, скорее это было похоже на столкновение с Голиафом, где не то, что до носа, – у него под мышкой можно пройти не нагибаясь. Поэтому, оперевшись прямым взглядом в зажим на генеральском галстуке, я как можно нечленораздельней пробормотал, что готов прийти с докладом через пятнадцать минут, в душе даже не надеясь получить этот так необходимый взор времени.

Оказывается, генералы тоже допускают ошибки. Смерив меня сверху вниз грозным взглядом, и, нагоняя страха и ужаса, чтобы впредь неповадно было, используя принцип наказания, что ожидание смерти, страшнее самой смерти, он прорычал, сотрясая знойный воздух над Ханкалой, как царь зверей лев своим ревом оглашает застывшую в испуге саванну:

– Через пятнадцать минут вдвоём с начальником криминальной милиции ко мне в кабинет!

Не знаю, за что Господь так милостив ко мне, выдавая авансом столько времени, чтобы из труса, дезертира, предателя, оборотня и ещё Бог знает каких смертных грехов военного времени, какими успели обмазать меня в глазах генерала за время моего отсутствия улыбочивые доброжелатели, дать мне шанс снова вернуть свою репутацию, причём извернуться так, чтобы ни слова не проронить о истинных целях моего самовольного исчезновения.

– Слушаюсь!!! Через пятнадцать минут быть в Вашем кабинете! – уже забегая ему за спину и выискивая взглядом старающегося держаться подальше от начальства незаменимого штабиста, педанта до мозга костей Скорнякова, бросился я в штабной кубрик. И, нисколько не ошибившись в расчетах, я нашёл его у дверей штаба. О том, что это штаб УБОПа, гласила изготовленная им лично табличка, но самое главное, там была прямая связь с Москвой.

– Петрович! – заталкивая его в дверной проём, и захлопывая за собой дверь. – Срочно связь с начальником ГУБОП!

– С кем?!? – его природная осторожность и устоявшаяся нелюбовь к общению с высоким руководством, от которого ничего хорошего ждать не приходится, стала включать тормоза, дабы сгоряча не натворить чего худшего.

– Викторович, ты не охренел??? Ты бы ещё Министру позвонил!!! Не надо быть Д,Артаньяном, и вызывать на дуэль сразу весь мушкетёрский корпус! Это только у Дюма в книжках удаётся, а тебе для растерзания и одного Хотина хватит.

– Ты не понял?!? Срочно связь с начальником Главка! А сам с той стороны за дверью встань, чтобы ни одна тварь не вошла, пока я разговаривать буду.

И пока Петрович с опаской за последствия дозванивался в Москву до начальника Главного управления по борьбе с организованной преступностью и терроризмом, я, повернувшись к нему спиной, достал записку от Каземира. В ней была любительская, но довольно-таки качественная фотография, на которой стояли шесть бородатых ублюдков в камуфляжной одежде, обвешанные оружием, как новогодняя ёлка игрушками, и бросался в глаза явно выделяющийся на общем фоне второй слева боевик со славянскими чертами лица, на которого указывала нарисованная шариковой ручкой стрелка. На обороте фотографии этой же ручкой написано: «Степан Луценко. Знает, где запланирован теракт, выезжает в Москву для организации. Знает, где зарыта взрывчатка. Знает исполнителей в лицо».

Холодок пробежал по спине, и к горлу подкатил ком щемящего чувства тоски по дорогим и любимым людям, оставшимся там, в суетливой московской обыденной жизни, по которым скучать начал уже в пути, даже ещё не увидев красоты и жестокости седых Кавказских гор. Осознание последствий готовящегося террористического акта, стало растворять, размазывать эти милые дорогие лица, соединяя их в одно пепельно-серое обезображенное видение, пугающее своим непоправимым ужасом, и всё это медленно-медленно накрывает пелена до сих пор стоящего перед глазами растерзанного камуфляжа сапёра Серёги, пульсирующего потоками бурой крови.

Сильный тычок в спину, прогнал это нарисовавшееся в мозгу видение. Скорняков, даже не желая подавать голоса, несколько раз ткнул меня телефонной трубкой в спину, и когда я разворачиваясь, машинально схватил её за чёрный изгиб между наушником и микрофоном, он тут же молча, но, как показалось, с гораздо большим удовольствием, бросился выполнять приказание – раствориться за дверью.

Сквозь шипение, непонятные щелчки и трескотню, я услышал слегка раздражённый голос:

– Ну-у-у, докладывайте!.. Не молчите!!!

– Товарищ генерал-майор! – чётко проговаривая каждое слово, начал я и машинально вытянулся по стойке смирно, услышав голос начальника Главка. Хотя если бы я даже и сидел, развалившись на стуле в неприличной позе, он никак не оценил бы нарушение служебной дисциплины. Как в принципе не оценил и мою вытянувшуюся по струнке фигуру, так как в кубрике я находился один. Даже мухи, комары и старающиеся без надобности не попадаться на глаза паучки исчезли, почувствовав секретность и напряжённость момента.

– Давай без приседаний. Что у тебя случилось?

– По линии «ОВ» получена информация о готовящемся в Москве террористическом акте. Есть фото организатора, которую отправлю нарочным! – на одном дыхании выпалил я в трубку.

Запнулся, вспомнив о Хотине, стал подбирать слова, чтобы генералы связались между собой и сняли недоразумение, связанное с особой секретностью моих действий.

– Никаких нарочных! Завтра в 11.00 на доклад к первому заместителю министра. Ты охренел!?! Ты вообще осознаёшь серьёзность информации? Совсем расслабились, страх потеряли вы там, в своей Чечне!!!

Щелчок и глубокая тишина в динамике означали, что собеседник закончил разговор и положил трубку. Осталось только догадываться: он бросил её вгорячах, судя по последним произнесённым словам, либо, не теряя времени, стал перезванивать заместителю министра – начальнику службы криминальной милиции России, хотя могло быть и то, и другое. Одно радовало, что голову мне оторвут не сегодня, а завтра, и в более высоком кабинете в Москве. Но вновь всплывшее перед глазами видение готовящегося теракта заставило плюнуть на генеральский гнев и незамедлительно включиться в работу как вычислить и обезвредить этого упряя со славянской внешностью и душой дьявола.

– Петро-о-ович! – во всю глотку заорал я, пытаюсь докричаться до самого далекого уголка УБО-Повских закоулков, приоткрыв дверь, и не увидев неприступной скалой стоящего на охране секретных переговоров Скорнякова.

Я всегда удивлялся его спокойствию в экстремальных ситуациях, продуманному, но не переходящему грань допустимого пофигизму.

– Чуть не зашиб! – бубня себе под нос, медленно вышел он из-за двери, и, уже обращаясь ко мне, в несвойственной ему манере говорить нравоучительные вещи, добавил:

– Успокойся, Викторович, всё будет хорошо.

И это прозвучало не банально успокаивающе, а с какой-то теплотой и внутренней надеждой, что так оно и будет, обязательно будет. Иногда всё-таки лучше воспринимаются не слова, их значение и то, кем они сказаны, а главное, как они произнесены. И от этого вновь появилась уверенность в своих силах и рвение совершить больше, чем даже можешь.

– Твои слова, да Богу бы в уши, – выпалил я ему в ответ, стараясь, чтобы это прозвучало в его же манере, но с долей сарказма.

Но ни на шаг не отступающая мерзкая картина надвигающейся где-то там в Москве катастрофы, не дала до конца насладиться возникшей атмосферой дружеского взаимопонимания и душевной поддержки.

– Петрович, срочно найди по закрытой связи Лавсова из ОИО.

– Откуда???

– Отдел информационного обеспечения Главка. Ты совсем расслабился, страх потерял, здесь в своей Чечне, – процитировал я генерала Овчинникова и рассмеялся в голос. – Тебе ещё в Москву возвращаться, а ты всё позабыл напрочь, – договаривал я уже сквозь смех.

Скорняков, не ведая, что эта фраза произнесена уже второй раз в течение пяти минут и переадресована ему от самого начальника ГУБОП, удивился странности моего поведения, но за компанию хихикнул, на всякий случай. И поспешил к аппарату закрытой связи.

Эфирный шум, состоящий из какофонии скрипов, свистов, трескотни и ещё Бог знает каких претивнейших звуков, не смог заглушить радостный крик Лавсова Вовки:

– Лёха!!! Здорово!!! Как ты там?!? Что случилось??? У тебя всё нормально??? – сыпал он вопросами, как из пулемета.

И опять я поймал себя на мысли, что поток этих вопросов далеко не формальный, а реально беспокоящий его., что он желает получить на них такие же откровенные ответы, которые ему не безразличны, потому, что он ГУБОПовец, надёжный коллега и настоящий друг искренне волнуется за меня. Он и сам провёл здесь не одну командировку.

– Вовка, прости, что не поздравил тебя с Днём рождения! – прервал я водопад его вопросов, почему-то первым делом подумав, что это очень важно извиниться за несделанный звонок. Я ведь раньше, никогда не забывал его поздравить, потому что у нас разница всего в один день. Друзья находили возможность поздравить меня любимыми способами, используя даже недоступные им средства, а я, имея в распоряжении стопроцентную связь, не использовал её под каким-либо благовидным предлогом.

– Хрен с ним, с Днём рождения. Ты-то как?!? Подожди, сейчас Ирка Семёнова подойдет. Поверь, она сильно обрадуется, услышав тебя. Она ведь увольняется, прикинь – какая потеря. Ирка вообще супермозг, и человек замечательный, тяжело без неё будет.

– Володь, тормозни!!! Записывай: Луценко – Леонид, Ульяна, цапля, Елена, Николай, Константин, Ольга имя Степан. Всех с такими данными, выехавших, выезжающих, и забронировавших билеты на Москву и ближайшие регионы по всем видам транспорта, с любого направления, особый упор сделать на наше направление и Украину. Но отработать надо всех. Ответ нужен завтра до полоннадцатого. Извини, не могу больше говорить. Иришке большой привет с поклоном, а по поводу её увольнения, ты меня сильно расстроил.

* * *

Ханкала – это, выражаясь по-русски – большая деревня. На Кавказе говорят по-другому: на одной горе чихнешь, с другой тебе «Будь здоров!» скажут. А по-ментовски звучит так, что «скорость стука превышает скорость звука». И по этим самым причинам я шел на «взбучку» к генералу Хотину, как сквозь строй: с одной – сочувствующие, с другой – злорадствующие взгляды. Знали все и всё, хотя и неточно.

Дверь кабинета была открыта, и было видно, что генерал широкими, тяжёлыми шагами ходит из угла в угол, погружившись в свои мысли. Что-то не складывалось у него в голове. Моё появление прервало ход его мыслей, а чеканящая речь подкосила его ноги. Хорошо, что он, как Цезарь, остановился, возложив руку на спинку кресла, на которое потом и опустился.

– Товарищ генерал-майор! Я незамедлительно отбываю в Москву на доклад к первому заместителю Министра внутренних дел Российской Федерации! Во время моего отсутствия мои обязанности будет выполнять подполковник Шаравин, а в его отсутствие подполковник Долгов.

В кабинете повисла гробовая тишина. Слышно было с каким рёвом и грохотом приземлилась на стол ничего не подозревающая, беззаботная муха с зелёным брюшком, и опять тишина, затянувшаяся бы на вечность, если бы не взорвал её сломавшийся в руках генерала карандаш.

– Ты сам это придумал, или надоумил кто?

– Это приказ начальника Главного управления по борьбе с организованной преступностью и терроризмом, согласованный с начальником службы криминальной милиции, первым заместителем Министра! – так же чётко отрапортовал я.

– И что? – не ожидая такого разворота событий, как-то ошарашено и неожиданно даже для самого себя произнёс генерал, не понимая как выйти из сложившейся ситуации, не потеряв лицо, и в то же время порычать и дать понять, что здесь и сейчас всё-таки он хозяин положения.

– Олег Валентинович, поймите: это очень-преочень важно! – сменив тон с официального на душевно-дружеский, с интонациями уважения и доверия к генералу, попавшему в непростую ситуацию по моей же вине, сказал я, заглядывая ему в глаза.

Он обмяк, опустил подбородок на сложенные кулаки, опираясь локтями о ворох бумаг разбросанных на столе, и посмотрел на меня каким-то сочувствующим взглядом. Он смотрел на меня так, как отец смотрит на сына делающего всё правильно, всё по совести, чему сам же и

учил, но понимая, что очень много неприятностей из-за этого свалится на мою голову. Лишь бы не сломался. И в этом взгляде друг другу в глаза как-то незаметно пропал разделяющий нас холодок.

– Дурак ты, Лёха! Про твои похождения уже столько рапортов написано. Ты сейчас и дело делаешь, и поблагодарят тебя за это, и даже по плечу похлопают. Пройдёт время и всё забудется, а бумага с дерьмом останется, и отрыгнётся она тебе в самое неподходящее время. Это жизнь, сынок. А рапорта, поверь, пишут не только мне; самые ретивые и на меня тоже.

И как-то сразу, без пауз и каких-либо переходов:

– А ты, вроде бы, москвич? Знаешь, что: я даю тебе три дня. Дома хоть побудешь, отдохнешь, своих обнимешь. Сейчас «вертушка» на Шелковскую летит, оттуда в Моздок, прыгай в неё, а дальше уже «бортом» на Москву.

– На Шелковскую говорите? Уж лучше сразу на «Щёлковскую» – метро такое в Москве есть, – резко подскочило у меня настроение. Я ведь даже не подумал, как буду добираться в Москву, да ещё к строго обозначенному сроку.

Но попасть в уходящий вертолёт – не простая задача, и если бы не прямое указание начальнику криминальной милиции любыми способами отправить меня именно этим бортом, идея провалилась бы, даже ещё не начавшись.

Удивительное явление, вызывающее уважение, переходящее в неподдельное преклонение – это вертолётчики, работающие далеко за гранью возможностей предусмотренных как техническими регламентами, так и человеческими возможностями. Они выполняют боевые, хозяйственные, транспортные и ещё Бог знает какие немыслимые задачи, часто совмещая их, соединяя несоединимое. Командир экипажа начал с традиционного категорического «Нет», и ни звания, ни фамилии не произвели на него никакого впечатления. И только по-человечески сказанное, что от этого зависит жизнь многих и многих мирных граждан, убедили его взять ещё восемьдесят килограммов живого веса, не отягощённого никаким скарбом. Ибо, как монах «в чём живу – с тем иду», даже вечного помощника и спутника своего – «посох» марки АКС-74 калибра 5,45 мм, и того оставил я в УБО-Повском кубрике под замком.

В Моздоке, ломая боевую привычку высыпаться из вертолёта, как горох, при первом же касании колёсами земли, мы ещё минут пятнадцать катались по бетонному покрытию закоулков военного аэропорта, пока наш аппарат не остановился за земляным валом, с трёх сторон защищающим стоянку винтокрылой машины. На небольшом удалении стоял военный УАЗик, от которого неестественно-прыгающей походкой направился в нашу сторону молодой офицер в лётной куртке без знаков различия.

– Кто из вас начальник ОБОП? – окидывая взглядом прибывших пассажиров вертолёта и не найдя по своему внутренне нарисованному образу подходящей кандидатуры на эту должность, обратился он ко всем сразу.

– С какой целью интересуетесь? – вопросом на вопрос ответил я, дав понять, что диалог касающейся борьбы с организованной преступностью ему лучше всего вести со мной.

– Быстро в машину! Мне не до шуток; «борт» в Москву на «Чкаловский» скоро улетает, а тебя ещё в маршрутный лист вписать надо и соблюсти ещё ряд необходимых формальностей.

«Довоевались... Чем ближе к Москве, тем больше формальностей», – подумал я, молча усаживаясь на заднее сидение УАЗика, больше не вступая в какую-либо полемику с молодым офицером, старающимся всем видом показать свою исключительную значимость. Тем более, что я – полный «профан» в вопросах того, что и как надо делать, садясь «на хвост» уходящему спецрейсом военному самолёту.

После прохождения, выражаясь словами сопровождающего меня офицера, «ряда формальностей» и оказавшись рядом с серым фюзеляжем самолёта АН-12, я залюбовался его изящной фундаментальностью. Невольно пришла в голову мысль, что, несомненно, флагманом военно-транспортной авиации, конечно, является ИЛ-76, олицетворяющий собой красоту, силу, надёжность и вообще гениальность инженерной мысли, но как-то всё-таки незаслуженно обходят восторженными эпитетами неприхотливого ветерана, трудягу поднебесья. Когда-то и мы станем уходящей натурой, и нам на смену придут более перспективные и грамотные «семьдесятшестые ИЛы», которым не стыдно будет передать результаты нашего дела.

С этими мыслями о великом, но недалеком будущем, я вошёл в салон самолета, где мне резко ударил в нос букет медицинских запахов: спирта, валерьянки, формалина и ещё какой-то гадости, усиленный ненавидимой с детства вонью мази Вишневого, вернув меня на грешную землю. По бортам друг над другом в два ряда были закреплены носилки с ранеными бойцами и так необходимое им в полёте медицинское оборудование. Бортинженер лайнера по-хозяйски усадил меня между носилками в хвосте самолета, поставив в известность человека в белом халате с абсолютно лысой до зеркального блеска головой, одетому в не отличающийся стерильностью камуфляж, который был явно не рад моему присутствию в его владениях.

– Чёр-те-чо! – брезгливо изрёк «халат». – Устроили здесь проходной двор! Ходят здесь не пойми кто, в не пойми чём, а здесь всё-таки, как ни крути, медико-санитарное учреждение, хоть и летающее.

И, уже хватая за рукав бортинженера, с какой-то обидой в голосе:

– А Вы пробовали, когда-нибудь без разрешения с сумками зайти на территорию УБОП? На них даже красный крест был нарисован, а меня мордой в землю... Я, ведь просто хотел к земляку зайти, а они меня, как цыплёнка табака, по земле распластали! Радует только, что сухо было и трава мягкая.

– Странно; а мне об этом даже не доложили, – привставая с места, вклинился я в их разговор.

Бортинженер одарил меня благородно-благодарственным кивком головы и мгновенно исчез заниматься более необходимыми в данный момент делами, оставив меня выслушивать леденящую кровь историю о встрече человека в белом халате с монстрами из УБОП. А медик, поперхнувшись на полуслове, упёрся в меня рентгеновским взглядом, увидев прямо перед собой причину своего трёхдневного душевного дисбаланса.

– Земляка-то хоть увидел? – с чувством иронического сочувствия, улыбнувшись, спросил я.

А он рассмеялся открыто, от души, по-детски растворив в откровенном смехе всю обиду, которой, я уверен, и не было, и быть не могло у этого милого, заботливого жизнелюба, отдающего всего себя без остатка бойцам, лежащим на носилках по бортам самолета.

– Какое там – повидал?!? Было у меня пять минут, вот я их и провалялся в травке под бдительным присмотром этих головорезов. Единственное, что порадовало – есть ещё у нас специалисты! Очень профессионально сработали, и даже извинились потом.

Сквозь нарастающий рёв двигателей самолёта слабый, полубредовый стон – «Пи-и-ить!», прервал наше игривое настроение поуморить в обсуждении нелепой ситуации, в которую попал доктор, выражаясь его же словами «третьего дня тому назад».

Резко вернувшись в свое постоянное состояние, он сделал шаг к носилкам, заботливо положил руку на голову раненого бойца, проявляя к нему отеческую заботу, и одновременно с этим профессионально определяя температуру и состояние находящегося пока ещё под действием обезболивающих препаратов, солдата.

– Потерпи, сынок. Сейчас взлетим, я ещё укол сделаю – тебе полегче будет.

И обращаясь уже ко мне полушёпотом, но с непререкаемой твёрдостью в голосе:

– Не вздумай ему по простоте душевной воды дать! Губы ваткой смочить – не больше. У него минно-взрывное ранение, с внутренними органами полная беда, бронезилет только частично спас, но что после такого удара происходит «не приведи Господь»! Да и ноги ему разворотило; скорее всего, под ампутацию. Без меня никаких действий! Уловил?

– А где ватку с водой брать?

Но усиливающийся рёв двигателей не дал ему услышать моего глупого вопроса, а мне какого-либо вразумительного ответа. Лётчики, осознавая, что на борту у них не простые пассажиры, отдавая дань пацанам, выполнившим до конца свой долг, подняли многотонную машину с таким комфортом, что я – человек, имеющий за плечами опыт десантника и невероятное множество гражданских авиаперелетов, только через некоторое время осознал, что мы уже давно плывём в воздушном океане. Я не почувствовал традиционного, вдавливающего в кресло стартового рывка в начале разбега, не было закладывающего уши отрыва от земли и резкого набора высоты. Мы просто перестали ощущать удары шасси о стыки бетонных плит на взлётно-посадочной полосе, а прервавший наш с доктором разговор рёв двигателей, медленно перерос в монотонный свистящий гул.

– Пить..., пи-и-ить..., дайте воды, – настойчиво просил совсем ещё молоденький солдатик, перебинтованный почти до самой груди, чем-то напоминая старую египетскую мумию с картинок в учебнике по древней истории. Но именно этот парень здесь и сейчас своей жизнью написал несмысленным, жирным шрифтом в нашу, современную историю понятие патриотизма и ратного служения Родине.

Обмакнув ватный тампон в пластиковый стакан, я обильно смочил водой его потрескавшиеся губы, которые он инстинктивно поджал, не давая испариться ни единой капле, жадно облизнул, проведя по ним распухшим и неестественно белым языком. У меня защемило сердце, и я, осознавая, что не сделаю большого вреда, нарушив жёсткую инструкцию, выдавил несколько капель с тампона в полукруглый рот.

Его выступающий кадык сделал глотательное движение, щедро делясь образовавшейся во рту свежестью, провожая её к горящим нестерпимой болью пострадавшим органам. Ясные, подернутые поволокой боли на изможденном, пепельно-сером лице глаза одарили меня благодарным, проникающим в самую душу, искренним взглядом.

– Братишка, – обратился он ко мне. – Посмотри, что у меня с ногами? Я совсем не чувствую ног ниже колен. Ляжки жжёт, колени горят, а ниже ничего. Вообще, есть они у меня там? Может, взрывом оторвало, а может, врачи отрезали.

– Я тебе так скажу: после ампутации, со слов пострадавших, сильно болят именно отрезанные органы, так, что если не болят, радуйся.

– Нет, ты посмотри. Ты мне честно скажи, что там у меня.

– Всё нормально, все перебинтовано, как надо

– Нет, ты скажи, всё забинтовано? Во весь рост или только до колен?

Я понял, что прямые и односложные ответы его и раздражают, и ещё больше убеждают в застрявшей в задурманенной голове мысли, что все ему врут во благо, и со скорбными лицами отводят взгляды, искренне сочувствуя, успокаивают, выдавая желаемое за действительное.

Демонстративно смерив его несколько раз с головы до ног так, чтобы он мог проследить за моим взглядом, я изобразил самое глупейшее выражение лица, на которое только был способен, и, констатируя увиденное, трагическим голосом произнёс фразу, от которой он, наверное, впервые со времени своей трагедии, рассмеялся:

– Если ты был метра три ростом, то метр с копейками наверняка оттяпали! А так где-то метр восемьдесят – восемьдесят пять оставили и аккуратненько упаковали. Плотненько так забинтовали, по всем правилам медицинской науки.

Его глаза блеснули надеждой, и он закатился таким смехом, каким могут смеяться только чистые душой, ещё не битые жизнью, беззаботные дети. Но неожиданно искренний смех перерос в какой-то тяжелый внутренний кашель, исказивший болью и без того бледное лицо.

Копошившийся неподалеку и краем глаза одобрительно наблюдавший за нами доктор, улавливая в пол-уха наш разговор, резко оттеснил меня своим внешне хрупким, но мускулистым телом. Одной рукой он ловко выдавил из шприца воздушный пузырь фонтанчиком лекарственного раствора, который, блеснув в солнечном луче, продравшимся сквозь заляпанный иллюминатор, тут же рассыпался на мелкие изумрудные капельки. Другой рукой, резкими движениями протерев уже до синевы исколотый изгиб руки бойца, без поисков и лишних манипуляций очень профессионально вколол в вену содержимое шприца.

Вместе с растекающейся по венам живительной жидкостью, отступала болезненная гримаса, искажавшая совсем юное с легким пушком над верхней губой красивое славянское лицо.

– Док, не ругайся на лейтенанта, он ничего плохого не сделал, это я сам...

– Что ты сам?... Сам он... «Самалка недоступная», – улыбнулся доктор. – Сейчас за тебя самого молиться надо, а ты за здорового мужика лезешь заступаться.

– Не прогоняй его. Прости, Док, но он.., – запнулся солдатик, подбирая слова, и по-детски покраснев, продолжил, – ...за мной впервые так по-человечески ухаживают! А ещё и офицер, целый лейтенант.

Я опешил. Как он умудрился в своем состоянии увидеть на моём застиранном, выгоревшем на солнце и находящимся в состоянии не первой свежести камуфляже вышитые и почти исчезнувшие с погон две затёртые, зелёные звездочки?! Хоть и подполковничьи, но при отсутствии просветов их

вообще легко можно перепутать не только с лейтенантскими, но и просто с элементами камуфляжной расцветки. Ну что ж, пусть будет так: лейтенант – так лейтенант.

А вот насчёт ухаживания, тут ты, парень, не прав. Так не только лейтенанты да подполковники, а генералы должны за тобой дерьмо выносить, да кланяться тебе в ноги за службу твою ратную. Без вас, серых и незаметных, самоотверженно выполняющих свою рутинную, черную, но смертельно опасную работу, не будет ничего. Вы – опора, вы – фундамент всех побед. На вас ложатся самые тяжёлые будни, в которых вы, необструганные пацаны, теряете здоровье, ломаете психику, и погибаете, оставаясь неузнанными, не прославленными и даже не помянутые теми, за кого отдаёте жизнь, оставаясь в памяти только родных и близких.

– Да, здесь он! – обернувшись вдруг ко мне, с какой-то двусмысленной интонацией, обращённой к нам обоим, но для каждого со своим подтекстом, сказал доктор.

– Я здесь, Серёжа, – подал я голос из-за его спины. – Я никуда не делся, просто подвинулся, чтобы док тебе укол сделал.

Боец аж дёрнулся, услышав своё имя.

– Обалдеть. Откуда ты знаешь моё имя? Меня так только мама называла. А все в основном по фамилии. Фамилия у меня соответствующая – Серый. Даже те, кто фамилию и не знает, всё равно Серым зовут. На улице всех Сергеев «серыми» кличут, а я ещё и Сергей Сергеевич, это уже как печать. И только мама..., нежно так, растягивая букву «Ё», только она... И вот у Вас сейчас так же получилось. Спасибо тебе, лейтенант.

– Ладно тебе, Сергей Сергеевич. Рано ещё в меланхолию да воспоминания уходить, у тебя вся жизнь впереди. А Серёжей, признайся, тебя ведь ещё какой-нибудь небезразличный тебе человек, называет.

– Да уж, наверняка какая-нибудь рыжеволосая зазноба вздыхает на Родине, – ехидно хохотнув, поддержал доктор.

– И никакая она не рыжая! – вспыхнул Серый, и, поняв, что его, как мальчишку, раскрутили на сокровенную тайну, залился до самых пяток красной, как помидор, краской, так, что даже белые бинты на его растерзанном теле не смогли скрыть юношеского стеснения при затрагивании любовной темы. Хотя какая это тайна; о НЕЙ он готов вздыхать днями напролёт, доставая самые тёплые и нежные чувства из закровов своей большой и светлой души. Но, стараясь оградить чистоту своих отношений от ненужных домыслов, он беззлобно выкрикнул:

– Дураки, вы все!!! – и залился очередной порцией красной краски, вызвав наш дружеский смех, к которому он сам с удовольствием присоединился.

Самолет сделал крен, и мирно спящий на подушке Сергея солнечный зайчик прыгнул, осветив его лицо, а потом побежал по всему салону в сторону кабины пилотов, из которой неспешно, широко расставив ноги, вышел бортинженер и медленно пошёл вдоль носилок, проверяя надёжность крепления и фиксации раненных бойцов.

– Скоро посадка. Вы бы присели, да пристегнулись, а то ржёте тут, как лошади, – обратился он к нам, по-человечески завидуя нашему настроению и не скрывая своего уставшего вида, подтянул ремень крепления прибора над головой Сергея. – Сильный боковой ветер. При посадке болтанка может быть, – предостерёг он, продолжая свой обход.

Разбив нашу дружную компанию на отдельных пассажиров, бортинженер удалился в свою обитель. И вскоре самолет несколько раз неприятно потрянуло, подбросило и начало заваливать на левый борт. Какое-то холодное, щемящее ощущение подкатило к низу живота от чувства своей беспомощности в данной ситуации. Но после основательной тряски колеса шасси ударились о посадочную полосу, подпрыгнули, и окончательно зацепившись за бетон полосы, покатались с нарастающим грохотом двигателей тормозящих многотонную машину.

Доктор вскочил, не дожидаясь команды, и даже попытался бежать в начало салона, болтаясь из стороны в сторону, безошибочно определив, кому сейчас он нужнее всего. Я поспешил за ним в надежде, что могу оказать какую-нибудь помощь. Однако увидев чёткие, выверенные движения рук, несуетливые, но очень быстрые, отработанные годами практики его действия, я остановился, поняв, что буду только мешать. Встал у него за спиной, надеясь, что хоть чем-нибудь могу быть полезен, и он обратится ко мне для оказания какой-нибудь неквалифицированной работы.

Доктор переходил от одного бойца к другому, не замечая меня, а я следовал за ним, как тень.

– Да отойди, ты!... – почти выкрикнул он, резко обернувшись ко мне. – Только раздражаешь.

– Извини. Я-то хотел как лучше. Может, помочь чем?

– Отвлекаешь ты сильно, – более спокойно сказал он. – Лучшая помощь – это не мешать.

И, помолчав, уж совсем дружелюбно добавил:

– Не обижайся. Одному мне как-то сподручней, привычней. А ты иди лучше нашего Серого «Ромэо» поддержи. У него сейчас наступает самый ответственный момент; главное, чтобы он в госпитале духом не сломался.

И поспешил к очередному стонущему бойцу.

– Да, уж, – вслед ему произвольно вырвалось у меня. – Работёнка у тебя, не приведи Господь! Хоть благородная, но страшная, морально тяжёлая... Ты сам не сломайся, находясь среди этого ужаса и боли. Удачи и сил тебе, Док.

Развернувшись, и с двояким чувством жалости и неподдельного восхищения этим человеком в белом халате с зеркально лысой головой, круглосуточно, семь дней в неделю, триста шестьдесят пять дней в году, находящимся там, где он нужнее всего, я побрёл в конец салона, где, как мне показалось, с надеждой ждал меня Серый Сергей Сергеевич.

Его немигающий взгляд замер на какой-то точке фюзеляжа у него над головой, но было понятно, что рассматривал он не детали самолета, а философски-испугано смотрел в своё неопределенное будущее. Но когда Серый Ромэо, как окрестил его доктор, увидел моё расплывшееся в улыбке лицо, он сам просиял, обозначив на щеках милые ямочки.

– Ну, что ж, Сергей Сергеевич, Москва. Прилетели. Теперь точно всё будет хорошо. Я побежал дальше работать, а ты выздоравливай. Ты – боец! Ты – настоящий защитник Родины. Удачи тебе! Держись! Даст Бог – увидимся.

– Спасибо, лейтенант. И тебе удачи. Я обязательно выздоровею. А про Родину я тебе так скажу: я хочу, чтобы ОНА любила нас так, как любим ЕЁ мы.

Я взял Сергея за руку и, понимая, что не могу его обнять, склонился и, выражая высочайшее чувство признательности, прижался лицом к его голове.

* * *

Вступив на грешную землю, я даже зажмурился от яркого солнца, и свежего воздуха ослепивших и окутавших меня разноцветьем аэродромных запахов, вызвав безостановочное чихание.

Проморгавшись, прочихавшись и прокашлявшись, я уперся взглядом в стоящие рядом разномастные, выдавшие виды кареты скорой помощи; белые и зелёные, с мигалками и без, объединенные лишь тем, что на борту каждой нарисован большой красный крест. И совсем не вписывающуюся в картину их стройных рядов, чёрное, сияющее новизной, никак не предназначенное для перевозки раненых бойцов, ухоженное «BMW». При виде этого разящего взгляд несоответствия, грешная мысль пробежала в голове: жалко этого бойца с влиятельными покровителями. Ведь неудобно же в этой шикарной машине, хоть и с пафосом, но лежащему больному добираться до госпиталя. Это авто явно не за Серым.

– Будь здоров! Будь здоров! Будь здоров!!! Ты уже здесь всё обчихал, соплями забрызгал. Невозможно к тебе подойти поздороваться, – неожиданно знакомым голосом пожелал мне здоровья человек, подходящий с ослепляющей солнечной стороны.

– Серёга... Осокин! – больше по интонации и сопровождающему смеху опознал я надвигающуюся на меня фигуру. – А, ты-то что здесь делаешь?

– Не поверишь, сам начальник Главка выделил машину и приказал встретить и доставить тебя к нему не позже десяти.

– Превосходно! Просто здорово!! Ну, так поехали! Мне до генерала ещё к аналитикам в отдел информационного обеспечения заскочить надо. Надеюсь Лавсов Вовка на месте.

– Да, куда ж ему из его каморки деться? – пошутил он с серьёзным лицом, и, переходя на полушёпот, хотя вряд ли кто имел желание в данный момент подслушивать наш дружеский трёп, спросил:

– Лёха, у тебя всё в порядке? Я не знаю, кто и чего шефу в уши налил, но он со вчерашнего дня с твоей фамилией на устах ходит. Если помощь какая нужна, знай: мы всегда рядом.

– Спасибо, Серёга, всё в порядке. Генеральский ропот – это всё по работе. Ничего личного, это же я сам такую волну суматохи поднял. А то, что доверяете и верите мне, спасибо. Это дорогого стоит.

Улыбка вновь вернулась на его лицо.

– Отлично! Камень с души снял. Ну, всё, карета подана, – с подчеркнuto наигранным поклоном он открыл заднюю дверь роскошного «BMW», жестом руки приглашая занять почётное место начальника Главка.

– Красиво жить не запретишь. Хоть на генеральском автомобиле с ветерком прокачусь.

И, усаживаясь на удобное кожаное сидение, я бросил прощальный взгляд на летающий госпиталь, из которого выносили раненых бойцов, распределяя по машинам скорой помощи. В одной из них Сергей Сергеевич Серый покатит навстречу очередным испытаниям в своей нелегкой судьбе.

Водитель «BMW» с каменным лицом даже не обернулся ни из любопытства, ни для того, что бы высказать взглядом свое отношение наглицу, усевшемуся на место шефа, ни даже для приветствия наверное почётного пассажира, встретить которого поручено на машине первого лица Главка в сопровождении старшего важняка.

– До десяти ещё куда-нибудь заезжать будем? – не поворачивая головы, спросил он у усевшегося рядом с ним Осокина, хотя через зеркало заднего вида буравил меня злым взглядом, наверное, за то, что я своим появлением поломал его далеко идущие личные планы.

У меня чуть было не вырвалось: «Включи голову!... Конечно, будем!... Я дома не был почти полгода, а на войне день за три! Вот посчитай и подумай, будем ли мы при наличии кучи свободного времени куда-нибудь заезжать и угадай – куда именно.

Но что-то щёлкнуло, ёкнуло, кольнуло, и защемило внутри, перекрыв так бурно вспыхнувшие эмоции. «Чуйка» – оперативное чутьё, ещё не сформировав ни мысли не слова, но четко выдала решение: в Главк! В Главк, и как можно быстрее. И повинувшись этому звериному чутью, на уровне подсознания всё начало складываться, приходить в порядок, хотя головой я никак не мог понять – за чем? Но «чуйка» свербила, торопила – «в Главк!»! Гнала быстрее, быстрее, быстрее.

Водитель, обрадовавшийся этому решению, нажал на акселератор, заложив стрелку спидометра за отметку в сто пятьдесят километров в час, ещё надеясь вернуться в намеченный им личный график, что явно совпадало с моим внутренним порывом побыстрее оказаться в стенах славного ГУБОП МВД России.

Пролетавшие за окном метро Щелковская, родные районы Гольяново, Преображенка, Сокольники, – каждый оставляли свой шрам в израненной душе, разрывая сердце между «хочу» и «надо». Как я хочу крикнуть водителю: «Остановись!» – и опроретью броситься к дому, который я проводил взглядом, чуть не свернув шею! Сгрести в едином объятии всех дорогих мне людей и остаться там, больше никогда-никогда не расставаясь с ними ни на миг. Но твёрдое, непреклонное «надо» пронесло всё это мимо со скоростью сто пятьдесят километров в час, сбросив обороты лишь перед тяжёлыми воротами дома графа Гендрикова – комплекса Спасских артиллерийских казарм, в которых сейчас, продолжая ратные боевые традиции, расположилось Главное управление по борьбе с организованной преступностью и терроризмом.

Главк был в своём нормально-рабочем полупустом состоянии: кто-то уже убежал работать в поля на оперативные просторы, кто-то ещё не вернулся с боевых мероприятий, рискуя жизнью, задерживая вооруженных отморожков, а оставшиеся закрылись по кабинетам, планируя ликвидацию очередной банды, либо изобличение зажавшихся коррупционеров. По этой самой причине, не отвлекаясь на рукопожатия, обнимания и формальные ответы в стиле культурного – «нормально» с явным подтекстом – «отвяжись», на банальный вопрос – «как дела?», я поднялся на третий этаж и остановился, склонившись перед мемориальной доской памяти с трехсот двадцатью двумя фамилиями сотрудников службы БОП, сложивших голову в борьбе с организованной преступностью. Ещё не просохшая на моих берцах чеченская грязь, и не успевший выветриться с рано поседевшей головы запах пороха, наиболее остро не то что головой, а всей кожей, всем нутром заставили ощутить «ГУ» огромную жертву которую они принесли, отдав свои жизни ради чувства защищенности, чтобы не было страха в душах людей, ради справедливости, ради беззаботного смеха детей.

От неожиданного прикосновения к моему плечу я даже вздрогнул. Повернув голову, я увидел тихо подошедшего и остановившегося рядом со мной заместителя начальника Главка Елина Александра Николаевича, присоединившегося к моему молчаливо-неподвижному стоянию, а вернее состоянию души, которое говорит гораздо больше, чем самые выразительные, громкие и проникновенные сло-

ва. Он заглянул мне в глаза, и чувство единения, что мы видим, думаем, дышим одинаково, окутало меня. Что мы настолько близки по духу, что не нужны нам никакие слова, которые даже будут лишними в данный момент.

Генерал, наверное, испытывал такие же чувства, поэтому, не произнеся ни слова, он одобрительно похлопал меня по плечу и молча пошёл по коридору в сторону своего кабинета, а я, перепрыгивая через три ступеньки, опрометью побежал вниз в отдел информационного обеспечения.

Лавсов даже не удивился, увидев меня, широко распахнувшего дверь каморки с беспорядочно, но строго в его логике заставленной компьютерами, ксероксами, факсами, телефонами, разного рода диковинными техническими приспособлениями, заваленной кипами бумаги, ворохами каких-то распечаток, заданий, карточек, в которых мог разобраться только он.

– Вход только по кодовому шифру. Ты как сюда проник, гадёньш!?! – вскочил он и радостно бросился обниматься. – Если бы не твой клиент, ты и не заглянул бы к старому другу, – без малейших признаков обиды, не выпуская из крепких объятий, съехидничал он. – Рад тебя видеть, бродяга!!!

– А разве натыканные камеры при входе не предупредили тебя?!? Твой код на дверном замке, это «секрет полишинеля», только никто сам к тебе по доброй воле не полезет. Проникать в твои владения бояться все шпионы всего мира, потому что они заблудятся и точно с ума сойдут в твоём бардаке, – парировал я его «гадёньша».

– Лёха, потом поговорим! И чай я тебе, как всегда, не предлагаю, потому что слушай сюда: не за чаем ты сюда из Чечни прилетел. Вычислил я твоего Луценко Степана. В Москву прибывают только три человека с такими данными. Один по возрасту не подходит, ветеран, инвалид войны. Второй – гастарбайтер; каждые три месяца въездную визу делает, мотаясь туда-сюда. А вот по третьему я поковырялся. Документы родные. Все в полном порядке. А дальше интересное кино получается. В Москву он прилетает из Киева – не подкупаешься. Но на Украине он был всего один день, так как прилетел из Турции. А в Анталии у него вообще был стыковочный рейс, который прилетел из Минеральных вод, а это, как ты понимаешь, твой любимый северный Кавказ. Зачем человеку такими крюками да огородами до Москвы добираться – это уже твой вопрос. Я «на всякий пожарный» поковырялся, нашёл его фото, и на тот же самый «пожарный» распечатал несколько штук. Думаю, тебе пригодятся. Поверь, я сделал всё что мог и даже больше. Дальше твоя компетенция, хотя всю жизнь мечтаю: хоть младшим опером, но в бой.

Пока он говорил, я внимательнейшим образом рассматривал фотографию, с которой на меня смотрел тот же колючий взгляд, что и с фотокарточки Каземира. Только на Вовкином фото этот ублюдок был немного моложе, ухоженнее, и в приличной одежде, примерно так он и будет выглядеть, спускаясь по трапу в аэропорту «Внуково».

– И самое неприятное, – продолжил Лавсов свой монолог, – его самолет приземляется без десяти одиннадцать, летит он наверняка без багажа, поэтому у тебя нет даже этой прибавки времени. У тебя меньше двух часов с учётом всех формальностей.

Последние слова окатили меня, как ушатом холодной воды. Оперативное чутье гнало меня в Главк, как подорванного, но даже оно не успело договориться с простым человеческим везением о каком-то небольшом, но крайне необходимом сейчас отрезке времени. Тупик. Ситуация поставила меня враскоряку.

Без доклада и согласования с первыми лицами я не получу необходимые силы и средства для решения задачи. Ведь одному мне не окружить аэропорт, не отследить и не отработать все контакты клиента, а, потеряв время на разрешения, эта помощь, к сожалению, будет уже не нужна.

От состояния безысходности струйка холодного пота, образовавшаяся в районе поясницы, неприятно щекоча, побежала вниз. Холодный пот и холодный разум – две несовместимые вещи; мозг кипел, но не выдавал никаких решений, усиливая потоки неприятной влаги, струящиеся по спине. Я встал перед выбором: либо «кинуть» начальника ГУБОП МВД России вместе с первым заместителем Министра внутренних дел Российской Федерации и незамедлительно броситься в аэропорт без поддержки, без какого либо плана и с непонятной перспективой, либо вообще упустить прилетающего организатора готовящегося террористического акта.

В ошарашенном состоянии я, наверное, рассуждал вслух, потому что Лавсов подытожил мои мысли русской присказкой: куда ни кинь, везде клин. И, как бы извиняясь и выводя меня из ступора, подталкивая хоть к каким-нибудь решительным действиям, выдал, четко произнося каждое слово:

– Из-за здоровья сейчас я тебе не помощник.

И после паузы:

– Вот номер рейса и время прибытия. Удачи!

Не теряя времени на расшаркивания, прощания и даже банальное «спасибо», я выскочил из Лав-совской конуры в надежде ещё застать водителя, примчавшего меня в Главк, и, вконец испортив с ним отношения, до конца переломав его личные планы, оседлав его и вверенный ему автомобиль, умчаться в аэропорт.

В дверях я нос к носу столкнулся с Вовкой Просветовым, обвешанным кучей рюкзачков, чехольчиков и всевозможных пакетиков со спецтехникой, понуро бредущим по коридору и не замечавшим никого, гоняя в голове какие-то свои оперативно-технические мысли. От неожиданности он чуть не рассыпал свою поклажу, а бурное проявление радости встречи было настолько искренне, что он, как мне показалось, даже подпрыгнул. Его и без того круглое лицо, расплылось в улыбке, сделавшись идеальным эталоном для милых, добрых детских мультиков. Он бросился обниматься, не выпуская из рук своей ноши, что со стороны смотрелось, наверное, очень комично, потому как тяжелые пакеты, перелетев ко мне за спину, со всего маха ударили чуть ниже поясицы, а сползающие с него чехлы и штативы, заставили его изогнуться так, чтобы не уронить и не разбить дорогостоящую технику. И в этой смешной искривлённо-умилительной, позе, он всё-таки умудрился сковать меня в своих объятиях.

– Здорово, Лёшка!!! Ты вернулся!?! – не то обрадовано констатировал, не то с надеждой на положительный ответ, спросил он.

– Не то и не другое; мелкая командировочка образовалась в родной Главк. Вовчик, как я рад тебя видеть!!! Ты даже не представляешь!!! Вечером обязательно пересечёмся, поболтаем, а сейчас извини... – и вдруг что-то необъяснимое, большое и светлое как сам «Просвет» вместе с его объятием обняло меня, окутало, осенило:

– Вовка! Да мне тебя сам Господь послал. Бросай всё. Хватай своих бойцов и срочно во Внуково. Вот номер рейса и фотки объекта, которого надо встретить, сесть ему на хвост, а при помощи вашей суперсовременной скрытной фото– и видео– аппаратуры фиксировать все его даже незначительные контакты. Вы же технари, это ваш хлеб, лучше вас это всё равно никто не сделает. Мне тебя точно Господь послал!

– Лёх, тебя случайно там, в Чечне не контузило?!? Ты это серьёзно? – отшатнулся он, поменявшись в лице. – Мы вообще-то сейчас по официальному заданию международного отдела уже вторые сутки сидим на хвосте очень серьезного коррупционера, сюда заскакивали только аккумуляторы, батарейки и кое-какую технику поменять.

– Да мне большую кучу наложить на твоего коррупционера!!! – вспыхнул я. – Да и сам он тебе большое спасибо скажет, если лишние сутки на свободе погуляет, никуда он от вас не денется. А сейчас, ты пойми, это важнее всего на свете.

– Лёшка, ты чего-то потерялся в этой жизни. Мы же не «шарашкина контора» – с кем хочу, с тем и работаю. Ты, вообще, откуда свалился? Причём на мою голову. Я тебя ценю и люблю, но я на службе.

– Это не я, а ты потерялся, а точнее совесть потерял. Я тебя как близкого друга и как профессионала прошу настоящую работу сделать, а не заглядывать в спальню и сральню к чиновнику, который всё равно потом сухим из воды выйдет, а здесь могут пострадать люди! Наши простые люди!! И, не дай Бог, мои или твои родные и близкие....

– Не ори! – резко прервал он меня. – Причём на весь коридор! Ты меня толкаешь на преступление и орёшь, чтобы об этом узнал весь Главк.

И вновь, улыбнувшись своей милой улыбкой:

– Зараза ты, Лёшка. Один геморрой с тобой, а без тебя как-то хреново. Значит так: часа три мы погуляем за твоим клиентом. Думаю, Димка один это время под нашим чинушей продержится, но потом не обижайся: мы снимаемся, иначе меня повесят. Дальше сам решаю.

Я просто завизжал от радости.

– Вовка!!! Ты просто супер!!! Я тебя люблю!!! Я тебе миллион процентов гарантирую, что тебя никогда-никогда не повесят, а как настоящего, достойнейшего русского офицера – расстреляют.

– Спасибо тебе, родной! Утешил! – рассмеялся он.

Мы ещё раз обнялись и разбежались в разные стороны. Я – топтать ковры высоких кабинетов, а Вовка – к своему боевому зелёному фургончику. Как мне показалось, он с большим вдохновением и энтузиазмом, побежал спасать настоящее дело и своего друга, прекрасно осознавая, что на конце этого его решения в перспективе у него могут быть огромные неприятности.

Бросив взгляд на удаляющуюся фигуру, я, переполненный чувствами благодарности и осознания настоящей дружбы, крикнул ему в спину, и эхо вторило мне, усилило и разнесло по всему пустому коридору, на разных концах которого были только два человека – он и я:

– Вовка, ты соответствуешь своей фамилии. Ты – яркий просвет в моей серой, с блёстками радости, судьбе. Спасибо тебе, что ты есть, и что ты именно такой и ни какой другой!!!

Мое появление в приёмной начальника Главка не стало неожиданностью. Референт-помощница, непреклонным взглядом и категорическим «Занят» сдерживающая попытки руководителей разного ранга прорваться в кабинет шефа, привстала, натянуто улыбнулась, и на зависть ожидающим произнесла.

– Присядьте, я доложу, что Вы в приёмной. Николай Александрович ожидает Вас, – но не предложила ни чай, ни кофе, что из многолетнего опыта общения с секретарями и помощниками является дурной приметой, не сулящей ничего хорошего.

Примета оказалась верной на все сто процентов. Генерал был мрачнее тучи, метая гром и молнии в телефонную трубку, и не мудрено, ведь у него и без меня проблем да забот хватает на сто лет вперёд. Я вообще не понимаю, как ему удаётся решать эти разноплановые ребусы планетарного масштаба, сыплющиеся на него, как из рога изобилия, а тут ещё появился я с перспективой террористического акта и полнейшим отсутствием какой-либо дополнительной информации после телефонного звонка из Чечни.

Прервав на полуфразе моё формально-уставное «Здравия желаю, товарищ генерал!» простым «Здравствуй!», он крепко пожал руку и сразу перешёл на деловой тон, присев за приставной столик, рукой указав место напротив.

– Давай ближе к делу. Времени совсем нет. В 11 часов мы с тобой на докладе у первого зам. министра. Введи меня в курс дела быстро, чётко, и только факты, без воды. Воду лить я и сам умею.

Расстегнув карман, я положил перед генералом Каземировскую посылку.

– От внедренного в бандформирование оперативного сотрудника по каналу тайниковой связи получена фотография организатора готовящегося в городе Москве террористического акта с пояснительной надписью на обороте его неполных установочных данных... Фигурант установлен, – как заправский крупье очередную карту, выложил я на стол рядом с Каземировской фотографией распечатку Лавсова. После этого, выдержав театральную паузу, дав генералу ознакомиться и с этим документом, вдохнув полную грудь воздуха, переведя свой взгляд и увлекая взгляд генерала на настенные часы, добавил:

– Разрабатываемый прибывает в Москву сегодня самолетом в аэропорт Внуково рейсом Киев-Москва в 10 часов 50 минут.

В кабинете повисла гробовая тишина. Неестественно медленно-медленно поворачивающаяся от часов в мою сторону голова генерала, навсегда зафиксировавшая в глазах стрелки на отметке 10 часов 17 минут, отразила глубокий шок безысходности из-за отсутствия времени на предотвращение неизбежно надвигающейся беды.

– Мы даже не успеем отправить группу в аэропорт, – затухающим голосом, подчёркивающим всю трагичность ситуации, сделав ударение на слово «даже», произнёс он, как приговор.

Сберегая нервы генерала от тех страшных эмоций, которые я сам недавно испытал в камере Лавсова, я громко, может быть даже слишком, так, что он ошарашено вскинул брови, выдал очередную порцию информации.

– Вашим устным приказом, я снял техническую группу, работающую по заданию международного отдела, и направил во Внуково сесть на хвост фигуранту. Прошу продублировать Ваш приказ начальнику технического отдела Вами лично.

На его лице отразился весь букет эмоций, причём всех сразу, которые он и не пытался скрывать. В потухших глазах блеснул луч надежды вперемешку с искрами возмущения.

– Нагле-е-е-ц!!! – растягивая слово, произнес он, чтобы до конца осознать всё происходящее, как в калейдоскопе ежесекундно меняющейся ситуации. – Нагле-е-е-ц!!! – с ноткой одобрительности за моё вынужденное нагло-неправомерное, но единственно верное решение. В то же время, искренне возмущаясь грубейшим нарушением всех принципов субординации, дисциплины и элементарной этики... – Это всё? Или ещё чего от моего имени наприказывал? Ты не стесняйся... Чего уж там!?! Давай наверняка..., сразу от имени Президента.

– Я ради дела готов на...

– Сбавь обороты! – резко прервал он. – Громкие слова оставь для трибун! Или для тех, кто любит на чужом горбу в рай въехать, а сами кроме как красиво говорить, ничего не делают, и за свою головокружительную карьеру не приняли на себя ни одного мало-мальски взвешенного решения. Не уподобляйся им. А сейчас приведи себя в человеческий вид, через десять минут выезжаем.

Он встал, давая понять, что время пошло.

Не теряя драгоценных минут, я устремился во второй корпус, где в третьем оперативно-розыском бюро по борьбе с терроризмом, я точно найду то, что сделает меня милиционером в «человеческом виде». Среди сменной одежды, мундиров, и других бесполезно пылящихся вещей, которые висят в шкафах почти в каждом кабинете, я выбрал подходящий по размеру китель, преобразившись из зелёного камуфляжного человечка в подполковника милиции. Только с форменной обувью не повезло, и при небогатом выборе пришлось поменять удобные кроссовки на туфли, больше моей ноги на пару размеров. После чего без малейшего удовольствия поскрёб найденной здесь же одноразовой бритвой по щекам, окультурив свою бородку типа «геолог», и через десять минут уже сидел в известный мне с утра автомобиль, только теперь в сопровождении не Серёги Осокина, а самого начальника Главка. Водитель, находясь в неизменно дурном настроении, через зеркало заднего вида наградил меня очередной порцией колючих взглядов, но, будучи профессионалом своего дела, сокращая пространство и время помчал нас на улицу Житная в «святая святых» правоохранительной системы – Министерство внутренних дел Российской Федерации.

* * *

Четвертый этаж Министерства, где почти у каждой двери с официальным номером кабинета красуются таблички руководителей, аппаратов, должностей, фамилий, при одном упоминании которых произвольно возникает ощущение, что вступаешь во владения недостижимых небожителей, вершащих судьбы и всю политику внутренних дел страны. Однако в противовес этому греет душу то, что делаем-то её – эту политику, мы – «менты», двадцать пять часов в сутки ползающие на брюхе по земле, разгребающие дерьмо, погибающие от бандитских пуль, забывающие о личной жизни, но всё равно любящие и любимые.

С такими мыслями, далекими от обдумывания предстоящего доклада, я вышагивал рядом с генералом по необычным ковровым дорожкам, где нога, не погружаясь в мягкое тело ковра, на миг задержавшись, сваливается в сторону, вперёд, назад вместе со сгибающимся коротким, но плотным ворсом, в только ему ведомом направлении, дающим понять о шаткости и необходимости осмысления каждого шага в этом коридоре. Хотя, переступив порог приёмной первого зам.министра, я ничего сверхъестественного не увидел. Она ничем не отличалась от многих других приемных высокопоставленных руководителей – диван, кресла, вешалка, неизменный ковёр во всю приёмную и главный атрибут мебели – девушка за столом с кучей телефонов и натянутой улыбкой.

– Здравствуйте... Вам назначено?... Как доложить?

– Начальник Главного управления по борьбе с организованной преступностью и терроризмом! – с раздражением почти выкрикнул ей генерал, всем видом и интонацией подчёркивая значимость подразделения которое он возглавляет и что этой «козе» пора бы уже знать его в лицо. После чего, обернувшись ко мне, резко сменив напор и громкость, шестым чувством поймав витающее в воздухе дурное настроение шефа, по-отечески ограждая меня от неизвестности, которая ожидает за массивной дверью высокого кабинета, добавил:

– Подожди здесь. Тебя пригласят попозже, – решил он принять на себя возможный гнев заместителя министра в этой неопределённо-двусмысленной ситуации, а в крайнем случае вообще умолчать о моем присутствии.

– Проходите, Вас ожидают, – проблеяла красотка из-за стола.

Генерал уверенной походкой, скорее даже подчёркнуто вызывающей, чтобы показать ей своё превосходство в незримой борьбе интонаций, жестов и не прописных возможностей, спрятанных за натянутыми улыбками и смазливо ядовитыми комплиментами, шагнул к двери, не забыв съязвить.

– Спасибо! Вы как всегда любезны.

И уже взявшись за ручку, он оглянулся, как-то очень тепло улыбнулся, чуть склонил в затычном поклоне голову, слегка прикрыв глаза, всем видом показывая мне заботу и поддержку, вселяя уверенность, что всё обязательно будет хорошо, хотя в данный момент поддержка больше нужна ему самому.

В ответ, понимая, что вряд ли в данной ситуации я что-нибудь смогу для него сделать, я скорее интуитивно, призвал ему в подмогу Божью помощь, скромненько почти незаметно на уровне груди осенив его крестным знаменем, как это всегда делала мудрая и заботливая бабушка Даша, проводя нас «непутёвых», тихонько бормоча себе под нос, то ли молитвы, то ли причитания о нашем благополучном возвращении.

О ГОСПОДИ!!! Мысль – она всё-таки материальна, причём тяжёлая и разящая, как удар нокаута. Осознание очевидности, ввело меня в состояние грогги. Это малозаметное крестное знамение мгновенно расставило всё по своим местам. Почему эта мысль влетела в мою, а не его голову?!?

Я знаю! Я ТОЧНО ЗНАЮ, когда эти ублюдки планируют террористический акт, и даже знаю – где. Господи!!! Но это же должно было осенить Николая Александровича. Сейчас ему это в стократ важнее, но дверь за генералом уже захлопнулась, оставив меня один на один с работающей в сумасшедшем ритме головой, облекать в словесную форму неожиданное прозрение.

Мир – это постоянная борьба добра и зла, а мы сейчас на острие этой битвы. Число, оно же и знак дьявола – шестьсот шестьдесят шесть. Сегодня третье июня, значит, через три дня наступит шестое ноль шестое, а третью шестёрку они выбрали извращённо, почти так же, как четыре года назад в Москве на улице Гурьянова, перевернув шестёрки вверх ногами, организовали теракт, взорвав жилой девятиэтажный дом номер девятнадцать девятого ноль девятого девяносто девятого года. Сейчас же на шестое ноль шестое назначено крупное молодёжное шествие, посвященное предстоящему «Дню независимости». Шествие – это и есть третья шестёрка; оно очень созвучно недостающей цифре – «ШЕСТЬвие». А резонанс получится огромный, ведь освещать мероприятие планируется на весь мир: движение молодежи молодой России в первую годовщину официального переименования праздника из длинного и практически незапоминающегося «Дня принятия Декларации о государственном суверенитете России» в поистине народный «День России».

Размах извращённой бесчеловечности шайтанов, сатанистов-маньяков превышает все мыслимые и немыслимые фантазии. Эти нЕлюди, даже не радикальные исламисты, хотя на каждом углу кричат «Аллах Акбар», не осознавая и не понимая, а в душе, наверное, насмехаясь над значением произносимых слов. Эти твари оскверняют мусульманство, извращая веру, издеваются над неугодными муфтиями, насилюют женщин, расстреливают почитаемых во все времена стариков, стравливают, вбивают клин между веками дружившими народами, проживающими не только на Кавказе, но и по всей матушке России.

– Вам плохо? С Вами всё в порядке? – как-то неестественно протяжно и как будто откуда-то изда-лека, из параллельного мира послышался сначала неопределённый, но с каждым мгновением более узнаваемый мелодичный голос секретаря-референта. – Может воды?

– Спасибо. Всё нормально, – скорее на автомате ответил я, и полностью вернувшись в реальность, осознав, где и зачем я сейчас нахожусь. – Спасибо, а вот от стаканчика водички не откажусь.

Она быстро повернулась к стоящему у неё за спиной шкафчику, наклонилась за бутылочкой минералки, предоставив к рассмотрению под натянувшимся платьем пропечатавшиеся округлости женских прелестей, мгновенно поменяв в моей голове тяжёлые мысли на мечтательно-платонические. После чего, поставив на небольшой металлический поднос идеально прозрачный стакан, очень изящно налила в него воду и протянула мне. Схватив всей пятернёй, я залпом, в три глотка, осушил немаленький стакан, чем вторично удивил, и, может быть, даже оскорбил своим мужланством ее высоко утонченные эстетические чувства, окончательно убедив в том, что моим воспитанием занималась исключительно улица.

Но высказать свое «фи» по этому поводу и провести воспитательную работу она не успела. Еле уловимый звонок переключил её внимание на телефонный коммутатор. Сложив ухоженную ладош-

ку вдоль трубки, которую секретарша грациозно подняла, наложив точёный указательный палец с неброским, но дорогим колечком на верхнюю сторону наушника, она не спеша поднесла его к уху, держа на приличном расстоянии от дорогих серёжек.

– Да... Хорошо... Поняла.

Так же величественно положив трубку, она окинула меня оценивающим взглядом, как будто впервые увидела, натянула на лицо дежурную улыбку.

– Вас приглашают войти.

Кабинет оказался не настолько огромным, каким его рисовало моё воображение. В отличие от утренней встречи, хозяин кабинета сидел за своим рабочим столом под портретом Президента и, не перебивая, выслушал длинное по звучанию, душевно холодное, но чёткое по сути, уставное – «Здравия желаю, товарищ генерал-полковник! Начальник отдела по борьбе с организованной преступностью в Чеченской республике Временной оперативной группировки органов и подразделений МВД России в Северо-Кавказском регионе по Вашему приказанию прибыл». Я понял, что эти длинные доклады нужны им для того, чтобы у руководителя было время по каким-то только ему ведомым признакам изучить представшего перед его взором подчиненного. Потому что меня сверлил ясный, прожигающий насквозь, проникающий в самое сердце взгляд глубоко посаженных глаз на строгом лице.

Закончив доклад, я замолчал, и в кабинете наступила напряжённая тишина. Я лихорадочно переводил взгляд с первого заместителя Министра на начальника ГУБОП, сидящего за приставным столом, впервые оказавшись на острие внимания руководителей такого ранга.

– Ваши предложения, – неожиданно звонким голосом заставил меня встрепенуться продолжающий сверлить взглядом мою скромную фигуру хозяин кабинета. – Только повторяться не надо, Николай Александрович всё подробно доложил.

Ничего себе задача?! Вы о чем-то договорились в моё отсутствие, а мне как об этом догадаться? Да ещё и не повториться – «красавцы»! Не-е-ет, в Чечне проще. Там хоть обповторяйся, лишь бы задача была понята и выполнена точно и в срок. А здесь??? Ну, ничего; генерал доложил абсолютно всё, но только не предполагаемую дату теракта.

– Через три дня шестого ноль шестого состоится...

– Я же просил не повторяться. Николай Александрович уже аргументировал предполагаемую дату теракта взрывом двухтысячного года в переходе на станции Пушкинская произошедшем восьмого ноль восьмого, где использовано восемьсот грамм взрывчатого вещества в тротиловом эквиваленте. Вам больше нечего добавить?

Я подошел вплотную к столу, протянул руку к лежащей Каземировской фотографии, которую я увидел среди других документов рядом с рапортом и Лавсовской распечаткой.

– Позвольте?

Заместитель министра, обалдев от такой наглости, автоматически взял фотографию и протянул мне. Я в ответ протянул ему оставшуюся стопочку фотографий, сделанных Лавсовым, начиная комментировать свои действия металлическим голосом, чтобы даже не возникло мысли перебивать меня.

– Данная фотография не совсем соответствует внешнему виду фигуранта, прибывшего в Москву для организации террористического акта. В связи с этим изготовлены именно эти фотографии для узнаваемости и идентификации лица. Поэтому предлагаю подключить к технической группе ГУБОП, уже негласно сопровождающей фигуранта, специалистов наружного наблюдения для выявления и документирования всех его контактов с целью обнаружения мест хранения взрывчатых веществ и оружия, приготовленного для совершения террористического акта, а так же установления лиц, причастных к подготовке данного преступления. После чего одномоментно провести задержания силами специального отряда быстрого реагирования.

– Если больше нечего сказать, то Вы свободны.

Я что-то начал говорить про молодёжное шествие, но заместитель Министра, сверкнул недобрый взглядом, оперевшись руками о край стола, стал медленно привставать.

– Я Вас больше не задерживаю.

Не собираясь играть на нервах, усугубляя дурное настроение большого шефа и испытывать его терпение своим присутствием, ведь то, что хотел, я уже донёс до понимания генералов, а теперь

главное, вовремя ретироваться пока они не вспомнили про фотографию, оставшуюся у меня в руках.

– Разрешите идти!?! – не то вопрошая, не то констатируя факт, и уже не слушая, что у меня происходит за спиной, я строго по-военному развернулся на каблуках и быстро исчез за дверь.

Приемную я проскочил не задерживаясь, лишь повернул голову и, мило улыбнувшись секретарше, прошелестел ей лилейным голоском:

– Спасибо, до свидания.

В коридоре я тоже чувствовал себя некомфортно, поэтому решил дожидаться генерала около машины. Заодно и попытаться наладить отношения с водителем, ведь он наверняка хороший человек, потому что шеф не будет держать около себя всякое отребье, уж шеф-то в людях точно разбирается. Но машина оказалась закрытой, а водитель наверняка наблюдал за ситуацией вокруг автомобиля откуда-то со стороны, ещё раз подтвердив свой высокий профессионализм.

Начальник появился неожиданно. Его раскрасневшееся лицо сильно контрастировало с аккуратно постриженными седыми усами, указывая на напряжённость и тяжёлое завершение состоявшегося разговора. Он шёл, переваривая полученные указания, количество которых, судя по озабоченности, трудно уместить в одной голове.

Увидев меня, он искренне улыбнулся открытой улыбкой, добавив к седым усам обнажившийся ряд ровных белых зубов, а подойдя ближе, уже совсем рассмеялся, после чего, немного передохнув, спросил:

– Ты зачем утащил фотографию со стола первого заместителя Министра? Он сильно возмутился. Отнеси обратно, передай секретарю.

– Нет, товарищ генерал, не отдам!

У него аж подскочили брови. Округлое лицо вытянулось в недоумении и молчаливом вопросе.

– Не отдам, товарищ генерал. Я сам внедренец, в ГУБЮП я начинал службу в отделе внедрения и не один десяток раз был внедрён в организованные преступные группировки, где на высшем уровне работала контрразведка. А здесь вообще к услугам бандитов специалисты спецслужб всех дружественных и недружественных стран. На обороте фотографии почерк внедренца, находящегося сейчас среди бандитов, а это прямой путь к нему. Да и как это фото у него оказалось, куда делось, и как оказалось в «ментовке» – извините, товарищ генерал, в милиции – это совсем расстрельные вопросы. Я не думаю, что первый заместитель Министра оставит фотографию себе на память, а сколько рук она пройдет и где осядет – одному Богу известно. И я не уверен, что она не попадет на глаза какому-нибудь продажному ублюдку. Хоть расстреливайте. Не отдам!

Генерал опешил, осознавая мою безоговорочную правоту. И, казалось бы, детский вопрос – взять и просто отнести фотографию – обернулся огромной проблемой. Он повернулся к машине. Слегка наклонившись, опёрся локтями о крышу автомобиля, охватив руками голову, и замер, продумывая возможные варианты выхода из сложившейся ситуации, в которую я своим неординарным поведением в очередной раз вогнал его, подставив перед первым заместителем Министра.

– Значит так!... – он резко повернулся ко мне, заставив от неожиданности даже отшатнуться, сделав приседающий шаг назад. – Значит так! Сейчас пулей летишь к Смирнову в отдел внедрения, пусть он вшивает твоё злополучное фото в самое секретное дело, к которому даже прикоснуться страшно, оформляет по всем правилам, чтобы расшить и вытащить было невозможно. Ну, Виктор Александрович – специалист. Он знает, как это сделать. Потом конвертирует, печатывает всё дело и через час привозит сюда. Я сам передам пакет заместителю Министра в руки, в таком виде он его точно с собой таскать не будет. А ты, Алексей, быстро возвращайся и спрячься в своей Чечне, пока всё не утрясётся, забудется и встанет на свои места. С информацией мы здесь разберёмся – ты не переживай. Да и от тебя сейчас мало чего зависит, ты своё дело сделал. Ты – молодец! Спасибо за службу! Да, кстати... Булатов тебе замену начал готовить – Серебров. Ты не возражаешь?

– Серый!?! Ой, извините, товарищ генерал. Сергей Григорьевич? Отлично! Грамотнейший руководитель и, как опер – бульдог. Ему не страшно будет дела передать; точно не развалит и доведёт до конца. Спасибо, товарищ генерал.

– Всё. Вперёд. Не теряй времени.

И опять понеслась автомобильная гонка на бешеной скорости в жестокой борьбе за убегающие минуты.

Обогнув Главк, мы подлетели к четвёртому корпусу, где уже при входе встречал меня начальник отдела внедрения.

– Алексей!!!

– Вик Саныч!!!

Мы обнялись, похлопывая друг друга по спине.

– Пойдем ко мне в кабинет. Мне шеф уже позвонил, там всё готово.

И вдруг, хитро сверкнув глазом:

– Слушай, а можно ли тебя к себе пускать? Ты у меня ничего не сопрёшь? – рассмеялся он в голос, давая понять, что в курсе последних событий. И лихо подсел на волну дружеских подколов:

– А, может, у Министра чего стыришь? Там много чего хорошего. Там есть чем поживиться.

– Для Вас, оболтусов, стараюсь, чтобы у вас, бездельников, хоть одна новая бумажка в деле появилась, – пытался я парировать его шутки.

– Ну-ну, – не унимался Виктор Александрович, – коли уж на то пошло, ты по кабинетам Администрации Президента пройдишь. Там много интересных бумажек..., тогда точно нас всех «оптом» вместе с тобой расстреляют, хотя если с тобой..., то, скорее всего, четвертуют.

И через паузу, уже серьезно, даже с восхищением:

– Молодец, Алексей. Уважаю! Сейчас всё сделаем в лучшем виде.

Мне кровь бросилась в лицо; получить похвалу от человека, прошедшего все стадии оперативно-внедрения и ставшего руководителем этого подразделения, не потерявшим ни одного сотрудника, – это дорогого стоит. Но продолжая игривое настроение, впервые за долгое время расслабившись в окружении родных стен, подталкивая его в спину, накручивая свою значимость, в игриво-приказном тоне произнёс:

– Пошли, пошли..., твой кабинет – это не мой масштаб. Ничего, кроме стакана чая я у тебя не поиму, хотя пожрать я бы не отказался.

– Не то, что пожрать, даже на чай не рассчитывай – улетаю в Министерство прикрывать твою задницу. – И снова залившись звонким смехом, – Давай сюда свой свежееукраденный портрет.

Он бережно взял помятую по краям фотографию, с благоговением, как берут дорогую реликвию, осознавая неоценимую значимость информации и её смертельно опасный путь из бандитского логова в далеких горах до сверкающей беззаботными огнями Москвы. Многострадальное фото с запахом кавказской войны.

– Алексей..., у меня нет слов!.. А сейчас извини; я исчезаю, но на счет пожрать, я тебя вечером приглашаю в абсолютно любой ресторан, какой ты сам выберешь, какой тебе по душе.

Он крепко обнял меня, не дав ни обдумать, ни слова сказать, после чего резко повернулся и быстро исчез за дверью кабинета. А я стою посреди коридора, «как дурак без подарка», и удивляюсь его профессионализму. Как мило он расстался! Нисколько не обидев, не пустил меня в свой кабинет; дружба дружбой – и Виктор Александрович её бесспорно ценит – но дела, тем более дела личного состава внедренцев, не должен видеть НИКТО даже краем глаза! Для них это гарантия жизни.

Здорово получается: за сегодня в родном Главке меня дважды прокатили с «халявным» чаем; сначала Вовка Лавсов, теперь Смирнов. Одна отрада, что хоть в Министерстве стакан воды налили, но от этого жрать меньше не хочется. С этими мыслями я брёл ко второму корпусу – вернуть позаимствованный подполковничий мундир и избавиться от крайне неудобных, огромных форменных туфель.

– Лёха! Здорово! – Бросился на меня неизвестно откуда взявшийся на совершенно пустом лестничном пролете начальник третьего ОРБ.

– Здравия желаю, Владимир Иванович!

– Я тебя по всему Главку разыскиваю. Пошли со мной! – потащил он меня в свой кабинет. – Мне шеф приказал найти тебя и срочно отправить по месту несения службы.

– Так извините..., я здесь в ГУБОПе и служу, – пытался я отшутиться. – А на Кавказ я только откомандирован. Хоть и очень давно, но откомандирован.

– Ладно, не умничай, заходи. Что будешь? Чай, кофе? Ирина сейчас делает.

– (Ура!!! Фартонуло!!!) Я бы и от бутербродов не отказался, – решил я наверстать всё недополученное материально-желудочное внимание друзей по Главку, удобно располагаясь за журнально-

переговорным столиком в углу кабинета. Но Владимир Иванович совсем не разделял моего игривого настроения.

– Не знаю, что у тебя там произошло, но шеф приказал собирать всех руководителей бюро, где задачи поставит сам лично, а пока он не вернулся, велел, чтобы я срочно организовал твою отправку обратно в Чечню.

– Да я ещё и дома не был, – попытался я возразить.

– Слушай сюда! – надрывно металлическим голосом, даже слегка подав вперед сухое крепкое тело, непререкаемым тоном сказал он, как отрезал: – Приказы не обсуждаются!

Но в глазах читалось, что он и сам не понимает, зачем такая спешка. Что он с радостью лично отвёз бы и передал меня в объятия родных и близких, не выпуская из дома неделю минимум.

– Сколько у меня времени? Я вообще-то рассчитывал на двое суток, в Чечне руководители и генерал Хотин в курсе. У сына каникулы, у сестры отпуск, они с матерью уехали в деревню в Мордовию. Я бы слетал к ним; на машине это шесть часов туда, шесть обратно. Ну, хотя бы сутки.

– Боюсь, что даже в Климовск не успеешь посидеть с братом за рюмкой чая, – как факт, констатировал Владимир Иванович. – С рассветом из «Чкаловского» должен вылетать борт МЧС. О том, что они тебя берут, уже есть договорённость. Точного времени вылета, как ты понимаешь, нет. Поэтому они просили прибыть тебе не позднее двадцати двух часов. Моя машина в твоём распоряжении.

Бутерброд в прямом и переносном смысле этого слова, застрял у меня в горле. Нарисованные в голове радужные планы исчезли, как утренний туман. Перспектива хоть чуть-чуть вкусить наслаждение личной жизнью опять отодвигается на неопределённое время.

– Ладно, выше голову, – своим чеканным голосом скомандовал Владимир Иванович. – Чтобы улучшить тебе настроение, – он поднялся и пошёл к своему столу, – тебя ещё с девятого мая дожидается медаль «За боевое содружество МВД России». Хотели тебе торжественно при личном составе вручить, но тут такое закрутилось, поэтому считай, что сейчас награда нашла героя, и уверен, что следующую тебе будут вручать в Кремле.

Он протянул мне красную квадратную бархатистую коробочку, закрытую прозрачной крышкой, выдавленной по контурам медали.

– Служу России! – чётко отрапортовал я, демонстративно вытянувшись по стойке «смирно», хотя в кабинете мы были вдвоём.

Парадокс. На меня свалилась куча свободного времени, но ровно столько, чтобы я не смог его использовать по своему усмотрению. Поэтому, смирившись с неизбежным, я вновь приступил к уничтожению бутербродов и пустился в пространные разговоры, краем глаза любясь неожиданно полученной наградой, и в мыслях уже ощущая её на своей груди.

Владимир Иванович, как раз наоборот, не был настроен на пустую болтовню, но чувствуя передо мной какую-то вину, скрепя зубами терпел моё присутствие, односложно отвечая на сыплющиеся на него, как из рога изобилия, вопросы. И вдруг меня пробило.

– Слушай, Иваныч, дай, пожалуйста, команду узнать в какой госпиталь направили доставленного сегодня самолетом из Чечни раненого солдата Сергея Сергеевича Серого. Я через полчаса забегу за информацией, а пока пройдусь по кабинетам, пособираю новости и сплетни, гуляющие по Главку. Заранее спасибо.

И, цитируя мультяшного Виннипуха:

– Ну, раз у Вас больше ничего нет, – бросил прощальный взгляд на пустую тарелку от бутербродов, схватив со стола медаль, осчастливил начальника ОРБ мгновенным исчезновением.

* * *

Своим наличием, похоже, я не вызываю позитивных чувств ни у одного персонального водителя в нашем Главке. Уже второй был ввергнут в шок моим появлением в его жизни, переворачивающим личные планы вверх дном. Водитель Булатова сейчас с радостью раздавил бы меня, как гниду. Испепеляя своим взглядом, он понимал, что теперь терпеть ему моё общество придется до десяти часов вечера минимум, а при хреновом раскладе может и дольше. А я по своей простоте душевной попросил ещё заехать в военный госпиталь имени Бурденко, предварительно остановившись у овощной палатки.

Набирая всякие вкусности для Сергея Сергеевича Серого, я увидел обыкновенную авоську, висющую над кассой на гвоздике, как во времена Советского Союза. Что-то тёплое, ностальгическое всколыхнуло душу. Я вспомнил, как в детстве мне, шкодливому, вечно травмируемому ребенку, приносили в больницу апельсины именно в авоське. Это было великое счастье – увидеть сквозь тонкие нити прозрачной хозяйственной сумки вкуснейшие оранжевые мячики, возбуждающие обильное слюноотделение.

Мне так захотелось принести Серому именно апельсины и именно в авоське, рассказав ему о своем счастливом детстве, подтвердив свой рассказ вещественным доказательством. Тем более, памятуя строгое наставление летающего доктора, что кушать ему пока ещё наверняка нельзя, что ещё утром даже глоток воды для него мог быть смертельно опасен. А вот поднять ему настроение, украсив свой рассказ аппетитными оранжевыми шариками, которые в принципе и не обязательно съедать, это как раз то, что надо.

Продавец – необъятных габаритов немолодая уже женщина с очень добрым материнским лицом – одобрительно кивнув головой, сложила апельсины в авоську

– В больницу идёте?

– А как Вы догадались?

– Дорогой мой!.. Мы с Вами из одного детства. Апельсины в авоське – это больничный бренд посетителей. А эти авоськи моя старушка вяжет. Говорит, что делает их для хороших людей, чтущих историю своей страны через мелкие, но запоминающиеся детали. Она у меня учительницей истории в школе работала, её в районе все помнят.

– Спасибо Вам! – приподняв над головой авоську с апельсинами, покачав ею из стороны в сторону, я, демонстрируя своё не выветрившееся с годами мальчишество, вприпрыжку вышел из овощной палатки и плюхнулся на заднее сидение автомобиля.

Водитель, смирившийся со своей участью, обречённо спросил:

– Теперь в Бурденко?

– Да. В госпиталь! – буркнул я, погрузившись в свои мысли, пытаюсь представить старушку, таким чудным образом трогающую людей за тонкие струны их личной памяти, чтобы сохранить в мелочах детали неповторимости нашей общей истории.

Перескочив по мосту закованную в бетонные берега реку Язу, мы сделали ещё один поворот с госпитальной улицы на госпитальный вал, и медленно поехали вдоль комплекса добротных, старинных зданий, высматривая контрольно-пропускной пункт, чтобы проникнуть в самый первый Российский госпиталь, основанный ещё в XVIII веке по Указу Императора Петра первого.

Проехав сначала в одну, затем в обратную сторону по Госпитальному валу, мы с трудом обнаружили вход, который не нарушая архитектурного стиля. Он был оборудован в левом крыле двухэтажного здания, и единственным опознавательным знаком его была красная табличка с надписью «Главный военный клинический орден Ленина и Трудового Красного знамени госпиталь имени академика Н.Н. Бурденко». Но найти вход оказалось совсем несложным препятствием по сравнению с тем, на которое я напоролся, распахнув стилизованную входную дверь.

За высоким – под потолок – турникетом в стиле вертушки из двенадцати хромированных параллельных труб, похожих на огромные зубья трёх гигантских расчёсок, крутящихся на одном валу, стоял шупленький тщедушный солдатик. Совсем ещё ребенок, что даже неуклюже болтающийся у него на ремне штык-нож, вызывал больше улыбку, чем восприятие вооруженного часового. Но этот оловянный солдатик, невзирая на подполковничьи звезды на моем камуфляже, удостоверение сотрудника Главного управления по борьбе с организованной преступностью и даже на спецпропуск Регионального Оперативного штаба по Северному Кавказу, где во всю оборотную сторону было написано: «Всем военным и гражданским властям, правоохранительным органам! Предъявителю настоящего пропуска оказывать помощь и содействие! ВСЮДУ!», зафиксировал намертво вертушктурушет, заладив как попугай:

– Без пропуска не положено.

Уговоры, аргументы, объяснения, запугивания, логические обоснования и всевозможные психологические приемы наталкивались на безучастное: «Без пропуска не положено!»

Поняв, что легче уговорить русалку сесть «на шпагат», я бросился искать бюро пропусков в надежде на то, что в это время там хоть кто-нибудь ещё по чистой случайности задержался. К моему

счастью, бюро пропусков находилось с противоположного торца этого же здания, в полуподвальном помещении, месторасположение которого, как пленный партизан, почему-то скрывал дежуривший на проходной солдатик с болтающимся в районе паха штык-ножом.

Спустившись в полуподвал, я пробежал весь мрачный зал с полукруглым сводчатым потолком, остановившись в его противоположной стороне у открытого окошка.

– Девушка, – обратился я к даме уже не первой свежести с огромным шиньоном на голове, – Как я рад, что застал Вас на рабочем месте. Выпишите, пожалуйста, мне пропуск к больному Серому Сергею Сергеевичу.

Женщина в окошке, не разделяя моих восторгов, захлопнула у меня перед носом жалюзи со словами:

– Приходите завтра.

Я стал кричать в закрытое окно, что мне очень надо именно сегодня, что завтра я никак не могу, что я сегодня улетаю.

Жалюзи резко распахнулись, и в окне снова появилось неприветливое, уставшее, женское лицо с покосившимся на голове шиньоном, расстроенное тем, что и так-то пришлось задержаться на работе, а здесь ещё этот безумный подполковник орёт, отвлекая, не давая закончить неотложную работу.

– Товарищ подполковник, не кричите! Я же Вам сказала, приходите завтра, – как будто совсем не слышала моих доводов, произнесла она.

И демонстративно подчеркивая, что уже достаточно уделила времени моей скромной персоне, крикнула, обращаясь к сидящему на кушетке мужчине:

– Подойдите к железной двери, Вас сейчас проводят.

И снова захлопнула жалюзи.

– Простите! – подошел ко мне высокий широкоплечий мужчина, к которому обращалась дама из окошка. Судя по его одежде, профессия стилиста, кто это такой и чем занимается, ему в принципе неизвестно. Мужчина был одет во всё новое, но с каким-то провинциальным вкусом: пёструю клетчатую рубашку, строгие чёрные брюки и коричневые туфли с вызывающе блестящей пряжкой. На VIP-персону и влиятельного человека или хотя бы приклатнённого, ради которого дама в окошке пожертвовала личным временем, он явно не был похож.

– Простите! Вы интересовались Сергеем Серым. Вы с ним служите? Вы с ним воевали? Я его отец! – и через паузу: – Серёжа утром позвонил мне и сказал, что он здесь в госпитале. И я, чтобы не беспокоить мать, быстренько приехал сюда: выяснить, в чём дело. А меня не пускают к сыну! Говорят, что начальника сейчас нет, поэтому мне надо пройти к заместителю начальника госпиталя по личному составу и воспитательной работе. Безобразия здесь у вас в армии! – подытожил он.

Гаденькое чувство ущипнуло меня изнутри при упоминании о заме по личному составу. Но в это время открылась металлическая дверь, и такой же щупленький солдат, как и на проходной, пригласил моего собеседника пройти с ним.

– На откорм их что ли сюда присылают? – чуть не вырвалось у меня при взгляде на провожаемого. Но необъяснимое чувство тревоги не дало даже самому улыбнуться при этой мимолетной мысли.

– Передайте Сергею, – протянул я отцу авоську с апельсинами. – Скажите, что от лейтенанта из самолета. Пусть он быстрее выздоравливает. Он молодец, он настоящий боец.

– Подождите. Не уходите. Дождитесь меня, пожалуйста! – настолько искренне, заглянув мне в глаза, попросил Серёгин отец, что я, невзирая на ограниченность во времени, ответил, что буду ждать его в сквере через дорогу. Но у меня не больше минут тридцати-сорока, и поэтому ему неплохо было бы поторопиться, если он хочет о чём-то спросить.

Выйдя из мрачного полуподвала, я подошел к водителю и сказал, что у него есть время распорядиться по своему усмотрению полчаса плюс-минус десять минут. После чего надо забрать меня в сквере недалеко от входа, за трамвайными путями, и, уже никуда не заезжая, летим в «Чкаловский», где он оставит меня и может быть свободным. Похоже на такой подарок водитель совсем не рассчитывал, поэтому, чтобы не дай Бог я не передумал, он, проявив мгновенную реакцию, нажал на акселератор и умчался со своими мыслями в своём, одному ему ведомом направлении.

А я, убивая время, дожидаясь Серого-старшего, бесцельно, не спеша побрёл по парку. По привычке на подсознательном уровне придерживаясь ближе к толстым стволам деревьев, автоматически по-военному оценивая их сначала как источник опасности, потом как потенциальную защиту. В то же время, наслаждаясь яркими всплесками осознания того, что я спокойно иду по «зелёнке» и не нахожусь на прицеле какого-нибудь обкуренного душмана. А гуляющие неподалеку две молоденькие мамы с колясками дополняли это умиротворяющее состояние.

Сквозь деревья я увидел белоснежный храм с куполами цвета десантных беретов и золотыми крестами. Желание зайти и поставить свечу за здоровье болящего Сергея охолонилось большой вероятностью разминуться с его отцом. Поэтому, постояв немного, любуясь уходящими в голубое небо и плывущими на фоне пушистых облаков крестами, я трижды размашисто перекрестился, чем вызвал легкий саркастический смешок молодых мамаш, пока ещё не нашедших свою дорогу к Богу. Бросив на этих несмышлёнышей осуждающий взгляд, я потерял к ним всякий интерес, и с необъяснимым чувством нарастающей тревоги, развернувшись, пошёл в сторону госпиталя.

В сгорбленном, поникшем, еле передвигающем ноги старике я не сразу узнал высокого, широкоплечего, энергичного мужчину, по первому же звонку приехавшего за сотни километров решать проблемы сына, скрыв пугающую информацию от его матери. Он шёл, опустив голову, с бледным, как полотно, лицом, не видя ничего перед собой. Споткнувшись о бордюр перед трамвайными рельсами, он выронил авоську с апельсинами, даже не обратив на это никакого внимания. Оранжевые шарики, вырвавшись из сетки, покатались по дороге яркими, неестественно-пугающими вестниками чего-то непоправимо страшного.

Боясь даже произнести вслух свою уже очевидную догадку, я подошёл к нему, взял под локоть и проводил до ближайшей скамейки. Он молча опустил голову, не поднимая головы отрешенно смотрел себе под ноги, до конца ещё не осознавая свалившегося на него горя. Тихо присев рядом с ним, понимая, что любые слова для него будут только продолжением рвущего душу трагического известия, я просто по-мужски обнял его, спрятав у себя на груди так долго скрываемые, хлынувшие из его глаз слёзы.

– Ну как же так?!? Он же сам мне позвонил, и вдруг «...не совместимые с жизнью...»?.. – вскочив, с надрывом закричал он. И снова уткнувшись мне, вскочившему вместе с ним, в грудь лицом, зарыдал в голос.

Проплакавшись, он тихо опустил голову на скамейку, обхватил голову руками, оперевшись локтями в колени, и складывалось впечатление, что он даже перестал дышать. Только изредка вздрагивающее тело говорило об обратном.

– Серёжа так хотел стать врачом, хотел лечить людей, – не поднимая головы, обращаясь не к нам, а куда-то туда..., ещё в не переломанное войной прошлое, когда они были счастливы и строили планы на долгую-долгую жизнь.

– Он хотел спасти людей, и он спасал их! – делая жёсткий упор на словах «хотел» и «спасал», взорвался я, повышая голос, не успокаивая, а констатируя факт, заставляя его гордиться сыном. – Он спас сотни жизней, но, к сожалению, не сохранил свою. Он хотел отдавать себя людям, и он делал это, став настоящим воином.

Я полез во внутренний карман и достал красную бархатную коробочку с медалью, на аверсе которой над эмблемой органов внутренних дел крупно в три строки написано «За боевое содружество». И со словами «Он настоящий боец!» протянул отцу награду.

Он вскинул на меня красные заплаканные глаза с немим вопросом.

– Поймите правильно; ведь в самом смысле фразы «Боевое содружество» подразумевается явно не один человек!

И попросив у молча наблюдавшего за нами водителя ручки, я в удостоверении к медали, повторяя каллиграфический почерк написания данных награжденного, в строке над своей фамилией написал «Серый» над именем и отчеством Сергей Сергеевич. После чего наложил поверх этих записей размашистый автограф, подтверждая от первого награжденного лица, что это законно и неоспоримый факт.

Он дрожащими руками взял награду, положил её на сложенные лодочкой ладони, долго-долго смотрел на неё, потом медленно сгибая руки в локтях, прижал её к лицу, закрыв огромными, натруженными кистями рук лицо вместе с медалью, и снова заплакал, вздрагивая всем телом.

Молча стоящий водитель дотронулся до моего плеча, привлекая моё внимание, рукой показал на полубегущего со стороны госпиталя уже немолодого человека в светло-зелёном, просторном спецкостюме с коротким рукавом, такого же цвета свободных штанах и белых прорезиненных тапочках типа «кроксы», рыскающего по сторонам взглядом, пытаюсь кого-то найти.

Увидев нас, он просто бросился к Серому.

– Вы куда пропали?!? Я на минутку отошёл в процедурную за уколом, вышел в коридор, а Вас уже нет, – как бы оправдываясь и в то же время возмущаясь бубнил доктор, хватая Серого – старшего под руку и увлекая за собой. – Немедленно пойдёмте со мной!

Убитый горем, не способный в данной ситуации что-то осмысливать, Сергей Серый – старший, теперь уже, к великому ужасу, единственный, безропотно повинувшись, медленно, совсем не поднимая ног и ничего не замечая перед собой, побрёл, ведомый доктором обратно в сторону госпиталя. А мы, сглатывая подкатывающий к горлу ком, провожали его взглядом, ощущая каждый его шаркающий шаг, скребущий коричневыми туфлями с вызывающе блестящей пряжкой не по асфальту, а по открытой, кровоточащей ране в душе.

До «Чкаловского» мы доехали, не перебросившись ни словом, думая оба об одном и том же. А в это время уже полным ходом разворачивалась крупномасштабная операция ГУБОП МВД России и спецподразделений ФСБ по предотвращению террористического акта, изъятию из тайников взрывчатых веществ и оружия с задержанием всех причастных к подготовке этого преступления, не оставляя ни единого шанса ублюдкам-убийцам.

Прощаясь, водитель долго не отпускал мою руку. Уже в последний момент вдруг сгрёб меня в охапку, сжал в крепких объятиях и, прижавшись губами к уху, прошептал:

– Береги себя. Пожалуйста, береги себя!

* * *

Самолёт набирал высоту, а я, развернувшись в пол-оборота, уткнулся лбом в иллюминатор и неотрывно смотрел далеко-далеко... на десять..., двадцать..., тридцать лет вперёд. И вдруг поймал себя на мысли, что на вопрос моего будущего, пока ещё не родившегося внука, который, с детским любопытством и фамильной гордостью будет разглядывать, доставая из шкафа, старый милицкий парадный китель:

– Деда, а почему у тебя среди медалей «За боевое содружество» ФСБ, «За укрепление боевого содружества» Министерства обороны, нет милицеейской, «За боевое содружество МВД России»? Ты же милиционер.

У меня уже готов опережающий его рождение ответ:

– Милый, дорогой мой человечек! Она находится в семье более достойного этой награды человека – воина Сергея Сергеевича Серого, отдавшего свою жизнь за то, чтобы ты, мой родной, спрятавшись от всех земных бед, забрался ко мне на колени, уютно примостившись подмышкой, и, обняв своей детской ручкой мой уже не маленький живот, мог задать этот наивный, погружающий в тяжёлые воспоминания вопрос.

